

Александр Ф. Каменецкий

Я ЛЮБЛЮ ТЕБЯ, ЖИЗНЬ

Александр Каменецкий
Я люблю тебя, Жизнь

«Автор»

2014

Каменецкий А. Ф.

Я люблю тебя, Жизнь / А. Ф. Каменецкий — «Автор», 2014

ISBN 978-5-532-11708-2

Иногда кажется, что всё против тебя и все против тебя. Жизнь кажется мрачной, бессмысленной, а то и вовсе невыносимой. Но тот, кто не ценит жизнь, совершает громадную ошибку, за которую непременно придётся расплачиваться. В этом Илька убедился твёрдо. Ему повезло, жизнь дала ему второй шанс. И пусть он оказался в неведомых краях, загадочных мирах и временах, не представляя, сможет ли вернуться домой. Пусть его ждут испытания, опасности и страдания, но такова жизнь. И её стоит любить только за то, что она есть.

ISBN 978-5-532-11708-2

© Каменецкий А. Ф., 2014

© Автор, 2014

Содержание

Часть первая	6
Глава 1	7
Глава 2	12
Часть вторая	20
Глава 1	21
Глава 2	27
Глава 3	33
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Александр Каменецкий

Я люблю тебя, Жизнь

*Empty spaces – what are we living for?
Abandoned places – I guess we know the score
On and on, does anybody know what we are looking for?
Another hero, another mindless crime
Behind the curtain, in the pantomime.
Hold the line, does anybody want to take it anymore?
The show must go on!
The show must go on!
Inside my heart is breaking,
My make-up may be flaking,
But my smile still stays on.*

Brian Harold May¹

¹ Пустые пространства – для чего мы живём? Заброшенные места – я думаю, мы знаем счёт. Снова и снова, хоть кто-нибудь знает, что мы ищем?.. Ещё один герой, ещё одно бессмысленное преступление За занавесом, в этой пантомиме. Держитесь этого пути, кто-нибудь желает продолжения? Спектакль должен продолжаться! Спектакль должен продолжаться! Пускай моё сердце разбито, Мой грим испорчен, Но я всё ещё улыбаюсь. (Брайан Гарольд Мэй. Перевод: Александр Каменецкий)

Часть первая

*Двери наших мозгов
Посрывало с петель.
Миражи берегов,
Покрывало земель
Этих обетованных, желанных,
И колумбовых и магелланных!*

Владимир Высоцкий

Глава 1

Ржавый железный лист скрипел, скрежетал, но не поддавался. Илька кривил губы, пытел, утирал пот со лба, но упрямо тянул за угол строптивную железяку. Упёрся ногой в грязную кирпичную стену, стиснул зубы от напряжения, рванул что было мочи. Столько усилий, а результат – едва отогнутый мятый угол. Илька заглянул в темноту щели: «Всё равно я сделаю это! Пусть они знают! Ненавижу их! Уроды!» Илька со злостью огляделся кругом. «Отлично! Вот это поможет!» Он оторвал от забора державшуюся уже на одном гвозде доску, просунул её конец в щель и приналёг на это подобие рычага всем телом. Доска выгнулась дугой, затрещала. Илька стал раскачивать её рывками, нажимая все яростнее. Заболели ушибленные ребра. Старое железо выгибалось и щёлкало, потом ближайший гвоздь с противным скрежетом вылез из обветшавшей рамы, и лист отошёл ещё немного. Илья мгновенно передвинул свой примитивный инструмент и опять приналёг на свободный конец доски. Теперь дело пошло скорее. Через несколько десятков минут лист был отогнут настолько, что Илька просунул туда голову и вглядывался в затхлую темноту внутри башни.

Голова влезала и вылезала свободно. Говорят, если голова пролезла, значит и всё остальное пролезет, но как Илька ни старался, просунуть внутрь плечи не удалось. Он отступил от башни на несколько шагов и задрал голову. Круглая стена с вертикальной цепочкой разбитых окон уходила отвесно вверх, а на последнем этаже ещё и расширялась, словно гигантская бочка, нависая над головой. Только нижнее окно было заделано, надёжно закрыто прибитым железным листом, как раз, чтобы мальчишки не пробрались внутрь. «Ну, это они со мной ещё не встречались!» Илька плюнул под ноги, подхватил доску и с остервенением вернулся к делу. Ещё через десять минут нескончаемого напора железный лист был отогнут настолько, что Илька протиснулся внутрь и свалился на грязный пол у основания пыльной спиральной лестницы. Он поднялся на ноги, отряхнул джинсы, ладони, оглядел испачканную ржавчиной футболку и заметил свежую ссадину на левом локте. Осторожно потрогал выступившие маленькие капельки крови: «Так можно инфекцию подхватить. Впрочем, теперь-то какая разница?!» На синяки он уже перестал обращать внимание.

«Говорил же пролезу! Вздумали остановить Ильку Ермакова? Не выйдет!» Вопреки этой маленькой победе его настроение несколько не улучшилось. В башне было сумрачно и таинственно, шаги отдавались странным гуляющим эхом от круглых стен, но и это не заинтересовало мальчишку, он знал, зачем сюда шёл. Вот чего он не понимал: почему выбрал именно башню? Зачем столько стараний? Мало ли высоких зданий в их городе. По большому счёту – какая разница? Крыша дома или водонапорная башня – конец один. Вон в прошлом году десятиклассник из соседней школы выпрыгнул с двенадцатого этажа собственного дома, просто и надёжно. А он даже здесь не может поступить как все, лезет на эту чёртову башню. Всегда всё не как все.

Ильку его одноклассники считали странным: он любил учиться. Любил узнавать что-то новое, любил читать, даже если в качестве книг были учебники. И учился хорошо, лучше всех мальчишек в своём классе. Лучше него учились только несколько девчонок – круглых отличниц. Уж хорошими оценками популярности среди сверстников не добьёшься, в этом Илька давно убедился. Даже то, что он позволял списывать всем желающим, не меняло отношения к его успехам в учёбе. Большинство даже списать правильно не могли и неизменно получали двойки и тройки, в которых винули его же, Ильку. Всегда винули его. Впрочем, хорошие оценки и его самого волновали мало. Наверное, он мог бы прикинуться: не делать уроки, не отвечать на вопросы учителей, не решать контрольные, но тут проявлялась его другая странность. И эта странность ещё дальше уводила его из стана популярных учеников школы в стан

изгоев. Он сочувствовал учителям. Ему казалось, что в глазах большинства из них он видит искреннее огорчение и недовольство тем, что им не удавалось продвинуть значительную часть своих подопечных по пути прекрасной дороги к знаниям, к собственным мыслям, к постижению мира вокруг них. Притворяться ленивым и безграмотным неучем Илька, конечно, мог бы, дурацкое дело нехитрое. Но сильно сомневался, что исправит этим взаимопонимание с другими мальчишками, а вот то, что огорчит этим многих учителей, он знал совершенно точно.

Надо полагать, дело было не только в учёбе. Да что там полагать, Илька был в этом уверен. Он всё всегда делал не так. Развлечений, которые предпочитали его одноклассники, Илька не понимал, не любил и чурался. Курить не курил, пиво пробовать не хотел, шататься по улице без всякого дела по полдня ему было скучно. Дискотеки, компьютерные игры, новые модели мобильных телефонов, шмотки не привлекали его внимания. Если он участвовал в совместных с одноклассниками мероприятиях, то выбирал самые простые и невинные, вроде дворового футбола или битвы снежками. Вообще-то, он не был таким уж пай-мальчиком и тихоней, нет-нет. Мог напрочь забыть купить хлеба по поручению родителей, мог нагрубить взрослым на улице, если считал их претензии неоправданными, а мог и учителям ответить довольно резко, если их решение ему казалось несправедливым.

Однако, вопреки разным спорным ситуациям, учителей он уважал и ценил, и всегда пытался предотвратить всякие попытки устроить учителю пакость. А таковые попытки в их классе происходили с завидным упорством и регулярностью. Зная его отношение, одноклассники всё делали втайне от Ильки, если, конечно, была такая возможность. Нет, он никогда никого не сдавал, если проделки удавались, но, если знал о них заранее, пытался пресечь. Несколько раз ему удавалось нарушить коварные планы, к разочарованию и злости одноклассников. Один раз – закончилось дракой, другой раз – объявили бойкот всем классом. Бойкот, впрочем, прошёл почти незамеченным: и так малообщительный, молчаливый и замкнутый Илька был доволен, что наконец-то никто его не трогал, ни о чем не спрашивал, даже списывать не просили. Да это ж сказка, а не наказание! Увы, счастье не продлилось долго. Драка тоже не была чем-то из ряда вон выходящим. В тот раз ему позволили выйти один на один, и кто остался победителем, определить было никак невозможно. Бойцы разошлись злые друг на друга с равным количеством синяков и ссадин. А что ж? Драться так драться, это тоже надо делать хорошо.

В то время мальчишки из класса ещё сохраняли какое-то понятие о чести и не набрасывались всей толпой на одного. Увы, всё меняется. Последний случай лишил Ильку всяческих иллюзий. В этот раз все сразу пошло хуже некуда. Мальчишкам не удалось сделать свои приготовления достаточно быстро и скрытно. Когда Илька вошёл в класс, он успел заметить мгновенно опавшую суету вокруг учительского места. Илька про себя чертыхнулся и ринулся в гущу событий. Не обратив никакого внимания на грозный окрик Лёньки Сухарева по прозвищу Сухарь и на ропот его подпевал, Илька потрогал учительский стул – так и есть, клеем измазали. Илька задумался. Учитель черчения Борис Борисович Ильке не нравился. Вот такое исключение из общего правила. Он был пожилой и любил повторять, что, если бы не отсутствие другого учителя и не уговоры директора, он давно бы отдыхал на пенсии, а не мучился здесь с тупыми учениками. Уроки вёл неинтересно и к ученикам относился равнодушно. В общем, по мнению Ильки, на роль учителя тот совершенно не годился. Махнуть бы на всё рукой и не лезть не в своё дело, но позволить так издеваться над старым учителем Илька не мог. Вот только, как тут помочь? Учительский стул в классе один, его на другой не поменяешь. Слишком заметно.

Илька схватил стул, лихорадочно соображая, что же делать. К нему тут же бросились четверо мальчишек во главе с Сухарём, но они не успели – в класс медленно, переваливаясь, вошёл маленький, толстенький Борис Борисович. Осмотрел класс, пригладил рукой серо-седые волосы, обрамлявшие блестящую лысину в полголовы. Семиклассников словно ветром унесло

по своим местам, один Илька застыл возле учительского стола со стулом в руках. Ну что за невезение!

– Что это ты задумал, Ермаков?

– Я? – вопрос застал Ильку врасплох, он судорожно искал разумное объяснение, но ничего подходящего случаю не находил.

– Поставь стул.

– Борис Борисович, я...

– Так, что тут? – Не слушая мальчишку, учитель пощупал стул и с усталым презрением посмотрел на ученика. – Так-так. Вот кто, выходит, всё это свинство мне устраивает. – Голос его при этом оставался ровным, тусклым, почти без эмоций.

– Это не я! – восстал в негодовании Илька. – Как Вы могли подумать?

– А что тут думать? – удивился чертёжник. – Мне что, своим глазам не верить? – картинно обратился он к классу.

В классе раздались смешки, Илька и не ждал от них сочувствия, а Сухарь исподтишка показал кулак. Зря старался. Илька вовсе не собирался его выдавать, как не делал этого никогда, просто пытался оправдаться сам.

– Шкодить вы все мастера, а отвечать за это смелости не хватает. Иди за мной, Ермаков. Пусть с тобой разбирается директор, мне нужно урок вести.

Борис Борисович переваливаясь пошлёпал из класса, и Илька, опустив голову, поплёлся за ним.

В кабинете директора Илька не сказал ни слова, промолчав целый урок. Самое обидное было то, что никто даже не сомневался в его вине. Директриса занятий в Илькином классе не вела, но всегда казалась ему честной и справедливой женщиной. А сейчас она безоговорочно приняла версию Бориса Борисовича. Правда другой версии Илька ей не предоставил, понимая, что оправдаться может, только назвав настоящих виновников, а этот вариант был неприемлем. Но, всё равно, было обидно чуть не до слез. Как же так вышло?! Он пытался помочь, и его же теперь обвиняют. Неужели кто-то может подумать, что он, Илька, станет так обижать учителя?! Да даже не учителя, а просто пожилого человека? Как будто не знают, что он такого никогда бы не сделал. Или они о нём ничего не знают? Им всё равно, какой он на самом деле? Никому не нужна его правда. Никому нет дела, до него настоящего! Никому нет до него никакого дела! Илька стоял, опустив голову, молчал и старался думать о чем-то совершенно постороннем. Если ещё жалеть себя – точно слез не сдержать, а это уж и вовсе позор – семикласнику расплакаться в кабинете директора.

Не добившись от мальчишки ни слова – его отпустили. Всё, что он сказал директору в тот день, было «здравствуйте» и «до свидания». Вышел он раскрасневшись, во взбодораженных чувствах, в груди словно застыл холодный булыжник, схватил сумку с учебниками и поспешил вниз по лестнице, надеясь никого не встретить по пути. В школьном холле сидели две девчонки из параллельного класса. Одна что-то сказала, Илька не разобрал что, и обе засмеялись. Мальчишка огрызнулся, обозвав обеих дурами, из-за натянутых нервов отнеся смех на свой счёт, хотя замечание его вроде бы не касалось, и под громкое недовольное возмущение подружек выбежал из дверей школы.

На деревьях уже появилась первая зелень, и день был невероятно тёплый для начала мая. Илька зажмурился от яркого солнца и свернул налево. Сухарь с компанией поджидали его за углом, потягивая один «бычок» на всех. Илька сразу понял, что без драки уйти не удастся. Вот и хорошо, ему очень хотелось врезать Сухарю как следует. Эх, если б ему дали такую возможность. Он без лишних слов прошёл в окружении одноклассников дальше за деревья, которые скрыли их от нескромных взглядов из окон школы, бросил сумку к корням тополя. И тут на него набросились сразу все вместе. Не дали ему опомниться или подготовиться, удары посыпались со всех сторон. Он постарался отмахнуться, ударить сам, но пока он поворачивался в одну

сторону, его били с другой. Илька закрыл голову выставленными локтями, пытаясь только уворачиваться, но это плохо помогало. Потом пропустил чувствительный удар по скуле – в голове загудело. Его сильно толкнули в спину, он не устоял, упал на колени и сразу же пропустил ещё удар. Потом его стали пинать, и он едва успел прикрыть голову. К счастью, это продолжалось недолго. Они не собирались его калечить. Удовлетворив свою злость, мальчишки забрали свои вещи и ушли, закинув Илькину сумку в кусты и пригрозив напоследок.

Их угрозы Илька пропустил мимо ушей. Он поднялся, отряхнул брюки и рубашку от песка, осмотрел и пощупал повреждения. Всё обошлось не так уж плохо. Зубы все на месте и даже не качаются, губа разбита, ссадина на скуле и на локте, синяки выступят позже. Ребра справа болят, но это и вовсе ерунда, могло быть и хуже. Как ни странно, драка разрядила нервное напряжение. Ильку слегка потряхивало, но ощущение прежнего холодного камня в груди ушло, осталось ровное горькое недоумение, но уже не столь и сильное. В целом, самое худшее сегодня уже позади, не стоит и беспокоиться. Хуже уже не будет.

Но на завтра произошло ещё кое-что похуже. Илька считал вчерашний инцидент вполне исчерпанным, но тот неожиданно для него имел продолжение. Утром Лёньку Сухарева вместе со всей его кодлой вызвали к директору. Илька не злорадствовал, ему было наплевать. Этой компашке всегда есть за что задать жару. Но вслед за ними позвали и Ильку. Вопрос оказался всё тот же – испорченный стул Бориса Борисовича. Илька поражённо, с открытым ртом выслушал искренние извинения директрисы и равнодушные извинения чертёжника. И с непониманием уставился на хмурых, раскрасневшихся одноклассников, на которых обрушилась лавина упреков. Только теперь Илька сообразил, что кто-то из класса их сдал. Рассказал всё, как было на самом деле. Стоит радоваться? Ну уж нет! Илька с тоской в сердце понял, что все-все будут думать, что Сухаря заложил он. Никто же не поверит, что он, Илька, не сказал ни слова. Он пропустил вопрос директора о синяках на его лице, а на повторный вопрос просто привычно опустил голову.

Илька из кабинета директора отпустили раньше других, но на уроки он не пошёл. Пусть его в классе не любили, друзей у него не было, его считали странным ботаном, но предателем и стукачом его никто никогда не мог назвать. И вот теперь ему вряд ли удастся оправдаться, никто и слушать не будет. Он бы и сам не поверил при таких обстоятельствах. Ильке казалось невозможным просто сидеть теперь на уроках вместе со своими одноклассниками. Он сбежал из школы, заскочил домой, бросил сумку и переоделся. Поразмышлял, не оставить ли записку, но передумал и выбежал на улицу. Телефон он забыл дома, но возвращаться не стал. Пусть. Пожалуй, даже лучше. Так он очутился у старой заброшенной водонапорной башни. Почему он выбрал именно башню, так и осталось загадкой даже для него самого.

Дряхлая на вид деревянная лестница шла по спирали вдоль вогнутой стены, оставляя в центре пустое гулкое пространство с двумя толстыми чёрными трубами посередине. Илька осторожно начал подниматься, пробуя ногой каждую скрипучую ступеньку. Лестница оказалась крепче, чем выглядела, впрочем, Илька весил не так уж и много. Ступеньки слегка прогибались, скрипели и подрагивали под ногами. В центр башни он старался не смотреть – было страшно. Куда проще было выглядывать в разбитые окна. «Может зря я всё это?» – мелькнула мысль и была безжалостно задавлена в зародыше. С заметным облегчением он выбрался на верхнюю площадку, обошёл кругом по узкой дорожке огромный металлический бак в самом центре. Все окна на площадке были целыми – никому из мальчишек так и не удалось добросить сюда камень, хотя желающих всегда было множество. Стекла, грязные и пыльные, позволяли скорее угадывать, чем видеть, что происходит снаружи. Илька подёргал одно окно, потом другое, третье легко поддалось и распахнулось, обсыпав Ильку трухой и пылью. Он чихнул. Выглянул наружу – несколько домов на окраине города и огромное поле за ними, разрезанное посередине ручьём, полным воды, как всегда весной. В открытое окно врвался гомон птиц,

шелест листьев и стук колёс, доносившийся с железной дороги. Илька высунулся чуть дальше и успел разглядеть хвост товарняка – несколько чёрных с потёками цистерн.

Илька перегнулся и бросил взгляд вниз, в ужасе отшатнулся, земля была очень далеко внизу. У мальчишки все сжалось внизу живота, по коже побежали мурашки. Он усилием воли сделал шаг ближе к окну и понял, что ноги его плохо слушаются. «Родители будут переживать, – Илька зацепился было за эту спасительную мысль, но сделал над собой усилие, – а что родители? Они, конечно, меня любят, но им всё время некогда. У них дела, заботы, и я им только мешаю. Погорюют немного, и всё пойдёт как обычно». Судорожно вцепившись в оконную раму, он вскарабкался вверх, на узкий, шириной в ладонь, подоконник. Окно было большим, высоким, Илька смог встать и выпрямиться в полный рост. Скосил глаза вниз на землю и почувствовал, как у него дрожит правое колено. Он сглотнул, закрыл глаза – на некоторое время стало легче, он стал глубоко размеренно дышать. Потом пришло ощущение, что он стоит не прямо, а наклонившись наружу, и он мгновенно открыл глаза. Всё оказалось с точностью наоборот. Он стоял, отклонившись назад в комнату, вцепившись обеими руками в раму. «Трус!» – зло обозвал он себя, но это абсолютно не помогло.

Тогда Илька вспомнил, почему он здесь. Он никому не нужен, его все ненавидят. Даже учителя, которым он не сделал ничего плохого. Он никому ничего плохого не делал. А они! Всем будет проще, если его не станет. Теперь его считают стукачом, он не сможет оправдаться никак и никогда. Пускай он этого не делал, но все будут так думать и никогда ему этого не забудут. Он не сможет так жить. Нужно прыгнуть. Скорее. И тогда ему будет всё равно. А они все ещё пожалеют. Он заставил себя качнуться вперёд и посмотреть вниз, шагнул чуть-чуть вперёд, встав на самом обрезе, так что носки кроссовок свешивались в пропасть. Ещё чуть ближе. Ещё.

Внезапно трухлявая рама под ногой треснула, щепки посыпались за окно, и нога соскользнула вслед за обломками. Илька невероятным движением извернулся в воздухе и судорожно скрюченными пальцами правой руки едва успел ухватиться за остатки рамы. Ноги болтались в пустоте, правым коленом он больно треснулся о кирпичную кладку, волна безумного ужаса прокатилась снизу вверх по его телу, сжала горло. Он закричал, но из горла вылетал только какой-то жуткий сип. Илька задёргался, пытаясь второй рукой дотянуться до окна, и тем только ухудшил своё положение. Рама под рукой, издав громкий треск, прогнулась наружу, теперь он висел, извиваясь всем телом, удерживаясь только кончиками пальцев. «Разве ты не за этим пришёл?» – мелькнула в сознании далёкая, словно чужая мысль, и он полетел вниз в окружении обломков рамы. «Сейчас будет больно», – успел подумать он, но сознание милосердно покинуло его раньше, чем он достиг земли.

Глава 2

Лежать было неудобно, какой-то твёрдый угол впивался под левую лопатку. Над головой что-то странно гудело, то приближаясь, то отдаляясь, словно вертолёт петлял и кружился высоко в небе. Илька открыл глаза. Прямо над ним закладывал виражи и восьмёрки большущий жёлто-полосатый шмель. Илька, ещё плохо соображая, не сводил глаз с мохнатого великана, а тот, сужая круги, подлетел к самому лицу и чуть не сел Ильеке на нос. Илька в испуге дернулся и больно ударился затылком, шмель недовольно зажужжал, поднялся повыше и умчался, скрылся из виду.

Илька резко, рывком сел, приложил ладонь к гудящему затылку. Взгляд упёрся в деревья, поднимающиеся сплошной тёмно-зелёной неровной стеной. Он обернулся – позади тот же лес. Илька сидел на прямой, как линейка, железной дороге, резавшей, словно ножом, густой старый лес. «Я вроде с башни прыгать собирался, а не под поезд бросаться, – с недоумением подумал Илька, поднимаясь на ноги. – Как я сюда попал?» В голове был полный сумбур, обрывками проносились какие-то мысли, воспоминания, накатывало вдруг ощущение свободного падения, и Илька вздрагивал, поводил плечами, чтобы избавиться от наваждения.

Он постарался взять себя в руки и внимательно огляделся. Потёртые рельсы, идущие в обе стороны, насколько хватало глаз, были изъедены ржавчиной. Обветшалые, серые от времени шпалы почти ушли в землю, рассыпая вокруг деревянную труху. Всё пространство дороги, по бокам и между рельсами, заросло высокой травой, цветущей мелкими белыми и жёлтыми цветками. «Непохоже, что тут можно дожидаться поезда, – пожал плечами Илька. Повторил: – Прыгнуть с башни...» – Тут волной накатило, и он снова вспомнил всё, что случилось в башне, словно заново пережил до мельчайших подробностей бесплодность своих усилий удержаться и ужас, сдавивший горло. Он зажмурился, закрыл лицо руками и стоял так, пока эти ощущения не оставили его.

«Что-то у меня с головой непорядок. Пора лечиться». – Илька энергично завертел головой во все стороны, но ничего нового не увидел: прямая железная дорога, идущая через густой, лишённый всяких просветов лес. «Я ещё жив?» – последнее, что застряло в его памяти, была треснувшая рама и соскользнувшие скрюченные пальцы в облаке щепок и мусора. «Или я мёртв?» – это как-то не укладывалось в Илькиной голове. «Если я жив, то, как я сюда попал? И вообще: ГДЕ Я? А если я умер, то, опять же: где я? Что это: ад или рай?» – В вопросах ада илирая Илька разбирался плохо. Да что там говорить, почти совсем ничего не знал. Нет, ему попадались, конечно, книжки о религии (довольно скучные, надо сказать), но почему-то об аде и рае там говорилось очень мало и так туманно, что Илька почти ничего об этом не запомнил. Впрочем, ему смутно припоминалось, что самоубийц в рай не пускают, но, с другой стороны, в аду должно быть ужасно жарко и черти должны жарить грешников на огромных сковородках. Илька представил себе эту картину и рассмеялся. «А чего я смеюсь? – он оборвал смех, но улыбаться не перестал. – Наверное, крыша поехала после этой проклятой башни. Нахожусь незнамо где, то ли живой, то ли мёртвый и радуюсь, словно книжку новую купил. С этим надо что-то решать, – он с силой ткнул себя кулаком в правый бок. Ушибленные ребра отдались тупой болью, Илька охнул. – Болит всё там же. Значит, пациент скорее жив, чем мёртв. А впрочем, грешники в аду тоже должны испытывать боль. Иначе зачем же их жарить? – эта мысль почему-то снова его рассмешила. – Тогда пациент скорее мёртв, чем жив, – Илька вздохнул. – Короче, как всегда, одно из двух: или пациент жив, или пациент мёртв. Так я эту проблему не решу. Нужно отсюда выбираться. В раю должны быть ангелы, в аду – черти, а если ни тех, ни других, значит – люди. Если встречу кого-то из них, сразу станет всё ясно».

Илька, который стоял всё ещё на том самом месте где очнулся, приложил ладонь козырьком ко лбу и посмотрел в одну сторону, затем в другую. Рельсы уходили в обе стороны абсо-

лютно одинаково и смыкались вместе с лесом где-то вдаль, на пределе видимости. «Ну и куда? Направо или налево? И где тут право, где лево? Это смотря куда лицом встанешь. Ага, солнце вон там над лесом подымается – там восток. Так куда мне, на север или на юг? – Илька всерьёз задумался. – Нет, так не пойдёт. Нужно всё-таки определиться. Нужно влезть на дерево и осмотреться». – Илька в настоящем лесу, можно сказать, не бывал, а один не бывал точно никогда, но книжки о приключениях читал и имел некоторые теоретические представления.

Развернувшись на восток, к солнцу, Илька решительно сошёл с дороги, продрался через небольшой просвет в кустах и, миновав оплывшую, заваленную прелой листвой канаву, зашёл в лес. Продвинулся вперёд несколько метров в поисках дерева повыше и оглянулся. Позади деревья и кусты смыкались так плотно, что просека железной дороги была почти не видна. Он остановился в нерешительности, он читал, что люди, не умеющие ходить по лесу, могут заблудиться буквально в ста метрах от дороги и ходить кругами, так и не найдя выхода из леса. Мальчишка попятился, и пошёл параллельно просеке, стараясь всегда держать её в поле зрения. Лес был смешанный, полный высоких сосен, но ветки их росли так высоко на толстых, покрытых ароматной смолой стволах, что Илька даже не смотрел в их сторону. Забраться туда ему было не по силам.

Пьянящий аромат нагретой солнцем хвои, листвы принёс ему некоторое облегчение. Шум в голове утих, и внезапные головокружения, ощущения падения отступили. Илька с интересом крутил головой и размышлял о том, почему раньше он никогда не видел, как может быть красива и величественна природа. Раньше он больше восхищался и ценил достижения человечества, но этот лес был великолепен. Наконец ему приглянулась берёза с ровным высоким стволом, ветви которой начинались достаточно низко и шли равномерно до самой верхушки. Илька подпрыгнул, уцепился, закинул ногу на нижнюю толстую ветку. Ребра отозвались уже привычной ноющей болью, в глаза посыпались чешуйки коры. Илька зажмурился, вслепую подтянулся и уселся на ветке верхом, обняв ствол руками. Проморгался и начал неторопливый подъём с ветки на ветку. В середине пути он вдруг поймал себя на том, что старается не смотреть вниз и сжимает ствол, судорожно боясь расцепить руки. «Чёртова башня, все из-за неё», – мелькнуло у него в голове. Он замер, сделал несколько глубоких вдохов, пересилил себя и полез дальше. А какой у него выбор? Впрочем, до самой вершины он так и не долез, когда ветки стали прогибаться под ним, а ствол ощутимо покачиваться из стороны в сторону, он застыл, сцепив руки в замок позади ствола. Никакие уговоры не смогли помочь ему двинуться ещё выше, и он с ужасом думал, о том, как будет спускаться вниз: «Желательно медленно, так же как поднимался, а не так, как с башни».

Илька вынужден был сознаться самому себе, что его поход в башню не прошёл бесследно для его психики, как бы ему ни хотелось быть уверенным в обратном. С того места на дереве, до которого он сумел доползти, видно было плоховато. Мешали листья, соседние деревья, мешало то, что он никак не мог оглянуться на все триста шестьдесят градусов, не разжав рук. А разжимать руки он отказывался категорически. Но и то, что смог разглядеть, не радовало его совершенно. Зелёный океан, прорезанный только узенькой полоской железнодорожной просеки, тянулся от горизонта до горизонта. Может, там и скрывалось какое-нибудь одинокое жильё под поверхностью шелестящей листвы, но ни городов, ни даже посёлков, ни полей, ни рек, ничего, кроме леса, Илька не разглядел. «Да уж! – отрешённо подумал Илька. – Широка страна моя родная, много в ней лесов...² И на этом всё».

Очень осторожно, медленно цепляясь за каждую ветку, он спустился на землю и, глубоко дыша, долго сидел под берёзой, стараясь унять дрожь от напряжения в руках и ногах. Размышляя о том, что увидел сверху, Илька проникся новым страхом: остаться здесь одному навсегда. Там на верхушке дерева всё заглушали мысли о пропасти под ногами, но теперь он ощутил

² «Песня о Родине» В. Лебедев-Кумач.

давящее одиночество. Захотелось пить, и Илькины мысли стали настойчиво склоняться к версии ада. Он поднялся, вернулся к дороге, развернулся на север и зашагал по путям. Направление не важно, нужно было двигаться вперёд. Если остаться на месте, он не протянет и двух дней, конечно, если в аду можно умереть. Он шёл бодрым шагом, стараясь не думать о воде и еде, впрочем, не думать получалось плохо. Так прошло два часа. Солнце перевалило зенит и светило в спину, стало жарко и пить захотелось ещё больше. Илька вдруг задумался, что берёза, на которую он взобрался с таким трудом, была полностью в листве. Трава и цветы под ногами, мешавшие каждому шагу, тоже были в полном цвету. Солнце жарило совсем не повесенному, а ведь когда он лез на башню, было самое начало мая, пусть и необычно тёплое. Здесь крылась какая-то загадка. «Хотя всё здесь сплошная загадка!»

Теперь Илька заметил, что лес по краям дороги слегка изменился. Сначала он не понял в чем тут дело, свернул с дороги в лес и пошёл параллельно рельсам. Почва под ногами стала несколько ниже, чем идущая ровно железнодорожная насыпь. Вокруг стал попадаться мох, и идти стало тяжелее. Илька хотел было вернуться на дорогу, но тут заметил чуть глубже в лесу знакомые кусты. Черника! Так и есть. Он набросился, стал жадно чуть ли не горстями срывать ягоды, засовывая их в рот, отплёвываясь от попавшихся листьев. Через десять минут утолив первый порыв, он двинулся дальше, срывая на ходу целые ветки и кустики черники, объедая ягоды, не останавливаясь ни на минуту. Стало немного легче – жажда и голод не отступили, но притупились.

Идти по лесу, при этом, всё время нагибаясь, было гораздо сложнее, Илька почувствовал, что стал уставать. Он вернулся к дороге и продолжил путь. Он торопился, хотя и не совсем понимал, куда ему спешить, куда он вообще идёт. За несколько часов, он отмахал уже больше десятка километров, а дорога по-прежнему была пряма и пустынна, и лес всё так же тянулся по обочинам. Мысли раз за разом, как Илька ни гнал их, непреодолимо возвращались к башне, к школьным проблемам. Обида на несправедливость всё ещё скреблась в его сердце, но выбранное решение проблем, уже не казалось ему таким уж остроумным, как раньше. А уж результат... Илька сердито гнал такие мысли, но они очень скоро возвращались.

Ещё дважды он сворачивал в лес, благодаря щедрой судьбе за то, что черничник рядом с дорогой не заканчивался. Ноги его гудели от усталости, губы и пальцы были синими от черники, руки и шея, неприкрытые футболкой, были искушены комарами, облаком висевшими над черничником, пить хотелось всё сильнее, но Илька упорно шёл вперёд. Шёл и надеялся на то, что любая дорога рано или поздно заканчивается, и лучше бы это случилось рано, чем поздно. О том, что же будет с ним, если это случится слишком поздно, он старался не думать. Идеи о том, почему и как он сюда попал, и вообще, где он, от самых простых до самых фантастических, уже были взвешены и обмозгованы по три раза каждая. Теперь Илька решил: пока не увидит что-либо новое кроме леса и железной дороги, следует отложить все идеи, иначе у него голова лопнет. Так и шёл, упрямо топя по серым шпалам, почти не глядя по сторонам.

Солнце, давно перевалив высшую точку, спускалось к лесу. На дорогу стал опускаться мрак. Илька с беспокойством поглядывал то на красноватый край солнца, торчавший над верхушками деревьев, то на сходящиеся у горизонта рельсы. Что будет, когда совсем стемнеет? Лес вокруг выглядел совершенно диким, птицы непугаными, запросто могли здесь водиться и разные звери. Конечно, лес был красив, но Илька уже вдоволь налюбовался этой красотой и не отказался бы сменить пейзаж. А что, если здесь бродят волки, или рыси прячутся на ветвях? Илька не очень представлял, какие ещё коварные угрозы могут быть в ночном лесу, но уж явно не ждал ничего хорошего. Отчаянье понемногу овладевало его сердцем, но что он мог поделать? Раньше он ни разу в лесу не ночевал, да разве можно сравнить хилое исхоженное людьми редколесье возле города и бескрайний зелёный океан, который он видел с вершины дерева.

Когда сумерки сгустились, Илька стал спотыкаться, перестав различать дорогу под ногами. Ему, городскому жителю, и в голову не могло прийти, что под открытым небом может

быть так темно. В очередной раз, зацепившись ногой за кустик травы, росший посредине пути, Илька чертыхнулся и вдруг замер, увидев впереди отблеск огня. Ещё минуту назад он упорно шёл в темноту, а сейчас впереди он явно различил неровно колеблющийся свет горящего пламени. До огня было довольно далеко, может, метров триста, а, может, и все пятьсот, Илька ничего не мог разглядеть. Он бросился вперёд бегом, споткнулся, чуть не упал, невероятным усилием устояв на ногах, хотел крикнуть и вдруг снова замер на месте. Что там? Кто его там ждёт? За секунду до того Илька мечтал кого-нибудь встретить и только сейчас задумался о том, кого можно встретить ночью в диком бескрайнем лесу. Но не стоять же посреди дороги, застыв от страха, что там может быть хуже, чем здесь. Идти туда, конечно, надо, только спешить не нужно, стоит, пожалуй, проявить некоторую осторожность.

Илька пошёл вперёд, стараясь не топтать, не шуршать травой, не чертыхаться, когда спотыкался. Продвинувшись настолько близко, что уже смог ясно различить мелькавший впереди прямо на просеке костёр, Илька свернул и углубился в лес. Лес подходил прямо к дороге и значит, позволял незамеченным подобраться к самому костру. Илька старался ступать тише, но у него плохо получалось. Не строя никаких иллюзий о своих способностях следопыта и разведчика, он всё же не решился просто и открыто пойти навстречу неизвестности. Выглядывая из-за шершавого ствола сосны, Илька различил треногу и подвешенный над огнём котелок. У него громко заурчало в животе, он замер в испуге. Возле костра мальчишка разглядел силуэт, сидящий спиной к нему. Деталей разобрать было совершенно невозможно. Илька сделал ещё несколько осторожных крадущихся шагов, перебравшись под другое дерево.

– Ты можешь выйти к костру без страха, – раздался громкий звонкий голос, – здесь тебе ничто не угрожает.

Илька даже присел от неожиданности. Его обнаружили! Он и сам не сомневался, что именно так и будет, но всё-таки был неприятно удивлён. И что теперь? Прятаться уже поздно. Он выпрямился, поколебался ещё секунду и твёрдым шагом, но не без опаски и без спешки направился к свету. Человек у костра невозмутимо сидел не оборачиваясь, глядя на огонь. Илька разглядел длинные, до плеч, светло-русые волосы, иногда отливавшие рыжим во всплесках пламени. На странно маленькой фигуре незнакомца была простая футболка и, кажется, джинсы. Он сидел почти вплотную к слишком большому костру. И тут картинка перед Илькой словно обрела резкость, все скачком встало на свои места, обрело правильные пропорции. И костёр стал казаться не таким уж большим, просто перед огнём сидел мальчишка. Совсем небольшой, едва ли выше Ильки, хотя рост трудно оценить, когда человек сидит. Илька вздохнул свободнее, смелее, выпрямился, расправил плечи, высоко поднял голову, постарался придать лицу независимое выражение и шагнул из-за деревьев в круг света.

Он двигался чуть боком, стараясь не сводить взгляда с сидящего мальчишки. Тот слегка повернул голову и внимательно рассматривал его синими глазами, в которых отражалось пламя костра. Видимо, Ильке не удалось полностью стереть опасение и недоверие со своего лица, потому что мальчишка у костра посмотрел на него сочувствующе и ободряюще улыбнулся.

– Здравствуй, Илия, садись к костру, – мальчишка указал на бревно, лежащее поперёк рельсов.

– Здрасьте, – Илька вдруг замер в полуприседе, так и не сев на предложенное место, – эй, как ты меня назвал?

– Илия. Разве это не твоё имя?

– Меня зовут Илья, ты как-то странно произносишь, – Илька всё-таки опустился на бревно, но не сводил с собеседника настороженных глаз. – Только откуда ты знаешь моё имя?

– Разве так важно, откуда ты что-то знаешь? Главное, что ты это знаешь и можешь применить. – Мальчишка взглянул Ильке прямо в глаза. – Разве не так?

– Не знаю, – растерялся Илька, и отвёл взгляд, – не думал об этом. Эй, – возмутился он через секунду, – ты чего мне зубы заговариваешь? Я-то как раз ничего здесь не знаю, потому

и спрашиваю. Откуда ты меня знаешь? Кто ты вообще такой? Где я? Как я сюда попал? Как отсюда выбраться?

– Ох, сколько вопросов сразу, – засмеялся мальчишка. – Извини, я не смогу ответить на все прямо сейчас.

Мальчишка поднялся, подобрал толстую короткую палку (Илька сразу напрягся), осторожно снял с огня котелок и отставил в сторону. Большой ложкой, крепко привязанной к длинной палочке, чтоб не обжечься, помешал в котелке густую красноватую похлёбку. Илька, не сводя глаз следивший за незнакомцем, непроизвольно громко сглотнул. Мальчишка взял миску, наполнил её почти до краёв своим варевом и, сунув туда чистую ложку, подал Ильке. Тот колебался лишь мгновение и схватил миску обеими руками.

– Осторожнее... – начал мальчишка.

– Ай! – Илька поспешно поставил миску на землю и схватился пальцами за мочку уха.

– ... горячо! – закончил незнакомец. – Обжётся? – недовольно покачал он головой. – Моя вина. Сейчас всё пройдёт.

Действительно, через несколько мгновений Илька, теперь с осторожностью придерживая миску, мешал варево ложкой, чтобы быстрее остыло. Его таинственный благодетель, положив себе в миску вполовину меньше похлёбки, спокойно опустился на своё место.

– Зови меня Джош или просто Джо. Так тебе, наверное, будет привычнее.

– Можно вопрос? – Илька отчего-то застеснялся, словно перед ним был не ровесник, а старик с седой бородой.

– М? Такая тяга к знаниям? Это интересует тебя сейчас сильнее, чем еда? Спрашивай. Если я смогу ...

– Да, собственно, – Илька смутился ещё больше, – простой вопрос: что это? – он указал на миску.

– Это? – мальчишка ободряющее улыбнулся. – Похлёбка из чечевицы.

– Чечевицы? – тупо переспросил Илька.

– Да. Никогда не пробовал? Ешь, не бойся. Я же не предлагаю продать за неё первородство.

– Продать первородство? – совсем потерял нить разговора Илька.

– Не обращай внимания, это очень старая история³. Просто ешь.

Илька посмотрел, как Джо отправляет в рот первую ложку, осторожно попробовал, кивнул головой и принялся есть. За целый день в пути, не имея ни воды, ни еды, кроме горстки ягод, Илька здорово проголодался, и миска обнажила дно слишком быстро. Челюсти упорно трудились над чечевицей, но глаза цепко вглядывались в компаньона, и в голове Ильки вдруг вставали образы далёких таинственных путешествий, ночёвок в лесу или в поле у костра, деревянная палуба под косо натянутым парусом или старинные библиотеки, заваленные книгами и свитками, или лаборатории, уставленные разноцветными вычурными колбами и странного вида приборами. То ли таинственный Джо так будоражил Илькино воображение, то ли усталость и тревожный день играли с ним злую шутку. Пока Джо подбрасывал в костёр ещё дров, Илька бросил быстрый взгляд в котелок. Там оставалось ещё почти половина.

– Тебе на сегодня хватит, – произнёс Джо, не оборачиваясь, – это оставим на утро.

– У тебя и на затылке глаза есть? – Илька вспыхнул. – Может, расскажешь всё же, кто ты такой и чего здесь делаешь.

– Что делаю? Сейчас дрова подкладывал, тебя кормил.

– Спасибо за еду, – смутился Илька, что забыл сразу сказать спасибо, но досада его не прошла, – только я не об этом. Кто ты?

³ Намёк на библейскую историю о сыновьях Исаака Исаве и Иакове. Старший Исава продал первородство (положение и права старшего сына и наследника) Иакову за чечевичную похлёбку.

- Человек, – Джо слегка пожал плечами и сел на своё место, – сын отца и матери.
- А! Человек! – Илька сменил тон. – А я-то сразу и не понял.
- Ну, может, ты ждал беса или ангела? – глаза Джо сверкнули юмором.
- Я... Откуда ты... Ну, хорошо, не хочешь рассказывать о себе, может, расскажешь, куда я попал?
- А куда ты хотел попасть, когда лез на вершину башни?
- Никуда, – огрызнулся Илька, – подальше от таких, как ты: злобных, несправедливых, тупых... – Илька едва сдержался, замолчал и уставился на огонь.
- А ты, значит, добрый и справедливый? – спокойно, чуточку грустно спросил Джо.
- Да уж посправедливей некоторых.
- Именно поэтому ты ругаешь человека, который встретил тебя в лесу, пригласил к своему костру, поделился своей едой?
- Я... – запальчиво начал Илька, но сник. – Да, ты прав. Извини, пожалуйста.
- Не стоит извиняться, Илия, я не обижен.
- Зови меня Илька, меня почти все так называют, мне показалось, тебе непривычно проносить «Илья».
- Илька, – повторил Джо, – хорошо, договорились.
- А почему Джош или Джо, что это за имя? Ты иностранец? По-русски ты говоришь без акцента.
- Меня многие так называют, как тебя Илькой. – Джо, как всегда, обошёл лишние вопросы.
- Илька задумался. Этот странный Джо вызывал у него странную пока малообоснованную симпатию и доверие, и в то же время Илька чувствовал себя скованно, словно что-то давило на него, не давая свободно дышать. Джо, то казался ему простым весёлым парнем, то вдруг легендарным, могучим, непобедимым героем. Илька потёр лицо руками, кажется, он начал засыпать сидя и ему грезятся сны. Джо внимательно наблюдал за ним, улыбался и молчал.
- Послушай, Джо, – устало сказал Илька, – у тебя, конечно, есть свои секреты, я не вправе требовать от тебя их раскрытия, но расскажи мне хоть что-нибудь. Ну, хоть то, что можешь рассказать. Я прошу тебя. Я совсем ничего не понимаю.
- Мне позволено сказать тебе совсем немного. Эта дорога – необычное место, в чём ты сможешь вскоре убедиться. Ты сможешь попасть отсюда в самые разные места.
- А домой? – не выдержал Илька.
- Ты хотел бы сейчас вернуться домой? – Джо с абсолютно спокойным лицом чисто и открыто смотрел Ильке прямо в глаза.
- Но, – Илька смутился, отвёл взгляд, подумал, вопрос показался ему с подвохом. Потом тряхнул головой, решил: – Да, конечно. Почему же нет?
- И пойдёшь спокойно в школу? Разве не ты совсем недавно считал, что нет никакой возможности теперь оправдаться, что тебе этого никогда не забудут, что ты не сможешь так жить. Зачем же ты тогда прыгал с башни?
- Я не прыгал, я упал, – пролепетал Илька, наблюдая за Джо со страхом, – но, ведь я тебе ничего не рассказывал!
- Может, и упал, – проигнорировав вторую часть Илькиных слов, согласился Джо. – Только лез в башню ты с намерением спрыгнуть. И приложил к этому изрядные усилия, проявил упорство и находчивость. Возможно, стоило их направить в более полезном направлении.
- Легко тебе говорить, – огрызнулся Илька. Он не никак не ожидал нарваться на нравовучения посреди леса от мальчишки вряд ли старше него. И то, что упреки этого всезнайки Джо были во многом справедливы, только сильнее раздражало Ильку.
- Да, следовать даже своим собственным словам бывает гораздо труднее, – намёк на грустную улыбку чуть раздвинул уголки губ мальчишки. – Но, только до тех пор, пока ты сам

себе не веришь. Пока ты знаешь, что твои слова и твои мысли – обман. Когда человек перестаёт обманывать других, а самое главное, когда он перестаёт лгать самому себе, когда в его сердце живёт абсолютная, непоколебимая уверенность в своей правоте, тогда его действия легко следуют за словами, и тогда он легко может горы свернуть.

Илька поднял глаза и опустил вновь, задумался. Джо говорил без пафоса, тихим ласковым голосом, но с таким внутренним жаром, словно рассказывал большой секрет лучшему другу. Теперь и прежние его слова вдруг показались Ильке не упрёками, а лишь толчками, намёками, поводом оглянуться и обдумать, в чём он, Илька, ошибся. В том, что он всё сделал не так, Илька уже убедился. Да если честно признаться – а, как сказал Джо, важно перестать себе лгать – он всегда сомневался, что поход в башню был удачной идеей. Так почему же он с таким упорством отдирает этот лист от заколоченного окна? Почему же лез туда, преодолевая страх? Почему все эти силы он потратил на такое глупое дело вместо того, чтобы поискать другой выход? «Поискать другой выход. Более... более...» – Илька так и не смог подобрать слово, какой же выход он хотел бы поискать, и переключился на поиски вариантов: «А, собственно, в голову-то ничего и не приходит. Должен же быть выход».

– Выход есть из любой ситуации, только результат не всегда тот, которого мы ожидаем. – Внезапно Джо ответил прямо на мысли Ильки.

– Что? – Илька словно очнулся от своих мыслей и с новым страхом глядел на мальчишку.

– Прости, я не хотел тебя испугать. На твоём лице отражается столько эмоций, нетрудно догадаться, о чём ты думаешь.

– Ты что, мысли мои читаешь? Может, ты инопланетянин?

Джо радостно рассмеялся.

– Я человек, я уже говорил тебе.

– Когда это? А, да. Говорил. Только мог ведь и обмануть. А?

– Мог. А зачем?

– Ну... ну не знаю... Вдруг у тебя коварные планы.

– Мне кажется, для решения этой задачи у тебя маловато данных. – Джо опять рассмеялся.

– Маловато, – вздохнув, согласился Илька, – а ты их упорно скрываешь. Это подозрительно.

– Увы, – Джо развёл руками, – тебе предстоит добывать факты самому. Не всё в жизни даётся легко, придётся потрудиться. Мне казалось, ты не прочь потрудиться на ниве добычи знаний?

– Смотря, где и как, а, впрочем, ты хотел что-то рассказать об этой дороге. Рассказывай, я больше не буду тебя перебивать.

– Хорошо. Итак. С этой дороги ты сможешь попасть в самые разные места. Только пока не домой. Если ты пойдёшь в любую сторону поперёк от дороги, то вскоре, не позже, чем через три часа выйдешь в какое-нибудь место, где есть люди. А вот, что это за место, и что там за люди, будет зависеть только от тебя, от того, где ты свернёшь с дороги. Внимательно запомни место и время, где ты выйдешь из леса. Когда захочешь вернуться на дорогу, это тебе очень пригодится. И ещё одно очень важное замечание: Будь, пожалуйста, предельно осторожен, присматривайся к людям как никогда внимательно, не всегда очевидность является истиной.

– Я когда-нибудь смогу попасть домой? – не выдержал и спросил Илька, когда Джо замолчал.

– Это не исключено, – задумчиво глядя вверх костра, проговорил Джо. – Если ты решишь задачу и найдёшь выход из своей «безвыходной» ситуации. А сейчас представь, что учебный год закончился и ты отправился в поход. Правда, напомню, в трудный и опасный поход.

– Да уж, – пробормотал Илька. – К походу готовятся.

– Считай, это не просто поход, а поход-испытание, – Джо подмигнул. – А сейчас ложись спать, уже давно за полночь. Вот спальный мешок, забирайся туда.

– А ты?

– Я покараулю. У тебя был трудный день, тебе надо отдохнуть.

– Это нечестно. Давай я...

– Ложись, если понадобится, я тебя разбужу, и ты меня сменишь.

– Ну, хорошо, – промычал Илька, невольно растягивая зевотой рот.

Илька скинул кроссовки, залез в спальник, поворочался, устраиваясь, опустил голову, обдумывая, как бы поделикатнее расспросить Джо о нём самом, и не успев ничего придумать, моментально заснул.

Часть вторая

*Это значит – меня бесполезно искать,
Занедужил я, лекарь мой – путь.
Будет ветер мою шевелюру трепать
И толкать, как товарища в грудь.*

Олег Митяев

Глава 1

Солнечный луч подкрался и вонзился Ильке прямо в левый глаз. Илька, щурясь, скорчив недовольную мину, попытался уклониться, но упёрся головой во что-то твёрдое, холодное и неподатливое. Было зябко, словно он забыл закрыть окно в комнате, а одеяло никак не хотело натягиваться на голову. Будильник не звонил, и мама не пришла его будить в школу, значит ещё слишком рано и можно бы ещё поваляться, если бы не надоедливый солнечный лучик. Илька недовольно приоткрыл глаза и прямо перед лицом увидел свечку из мелких синих цветков, венчавших низкорослое растение. От неожиданности Илька подскочил, заозирался по сторонам и сразу всё вспомнил. Он выбрался из спального мешка и огляделся вокруг. Джо нигде не было видно. Костер прогорел и потух, лишь пепел ещё окрашивался алыми всполохами под лёгким утренним ветерком. Котелок со вчерашней похлёбкой стоял возле костра, рядом с бревном стоял рюкзак.

– Обещал меня разбудить, а сам, похоже, всю ночь сторожил, – проворчал Илька, оглядывая окружающий лес в поисках Джо.

Лес выглядел так, словно никого кроме Ильки не было вокруг на многие километры. Илька пожал плечами, не испытывая особого волнения. Уж Джо наверняка ориентируется здесь получше него и не пропадёт, просто придётся немного подождать. «Человеку в походе иногда нужно уединиться в лесу, кстати, и мне нужно», – но далеко Илька не пошёл, отбежал лишь до кромки леса, сделал свои дела и неспешно вернулся. Спешить всё равно некуда. Джо сказал: «каникулы». Илька сел на бревно, сонно потёр лицо руками. Солнце было уже довольно высоко, но вчера он целый день топал пешком, устал, да и лёг поздно, особой бодрости Илька не чувствовал.

Минут через пятнадцать Илька стал обеспокоенно разглядывать лес, прислушиваться. Джо было не видно и даже не слышно. Чтобы унять тревогу Илька аккуратно отряхнул спальник, свернул, засунул в чехол и отнёс к рюкзаку. На рюкзаке лежал клочок бумаги, исписанный ровным красивым почерком со странными завитушками. Это придавало записке несколько старомодный вид и вновь вызвало у Ильки видение странной лаборатории алхимика. Он торопливо схватил записку, пробежал её глазами по диагонали, не поверил и стал читать, внимательно рассматривая каждое слово.

«Дорогой Илька, – уже здесь Илька споткнулся, подумал: стал бы он так обращаться к малознакомому Джо? Но так ничего и не решив, продолжил чтение: – оставляю тебе спальник, котелок и немного продуктов в рюкзаке. Остальные припасы тебе придётся добывать самому в тех местах, куда ты попадёшь. Меня не ищи, я сам тебя найду. Удачи!» – На этом записка обрывалась. Илька недоуменно повертел её в руках и обнаружил ещё надпись на обратной стороне: – «PS. Пожалуйста, будь осторожен. Там всё может оказаться совсем не так, как ты привык».

Илька растерялся, потом разозлился. Ещё вчера вечером ему казалось, что он нашёл, если не помощь, то хотя бы попутчика, и вот опять один и выпутывайся, как сам знаешь. А ведь обещал помочь. Где-то далеко мелькнула мысль, что Джо никакой помощи не обещал, но Илька был так расстроен и раздражён, что эта мысль не нашла должной поддержки и скромно, тихонько истаяла. В запале Илька решил гордо отказаться от всех вещей и уйти, как и пришёл без всего, но потом, подумав, решил сначала доест похлёбку – иначе пропадёт зазря. А после сытного завтрака настроение Ильки немного исправилось, раздражение не исчезло, но утихло, мысли перестали скакать в беспорядке, и он поменял своё мнение: «Заберу всё ему назло! Ничего не оставлю». Злость ли или разум ли возобладал, но Илька, тщательно вытерев котелок пучком травы, привязал его к рюкзаку и сверху водрузил спальник. Приподнял рюкзак, взвесил на руке – тяжеловато, но терпимо. Теперь оставалась одна задача: решить куда идти.

«Джо сказал, можно идти в любую сторону от дороги. Если не соврал, конечно, – Илья скривился в усмешке. Вспомнил странное всеведение Джо, его угадывание мыслей, – Если бы хотел обмануть, обманул бы так, что и не заметишь. А может, и нет. Разве ж тут поймёшь. – Илья тряхнул головой, словно отгоняя неуверенность. – Да какая разница? Что здесь, неизвестно где, сидеть – плохо, что идти неизвестно куда – плохо. Куда ни кинь всюду... а... всё равно! Пойду на запад. Солнце не будет в глаза светить».

Илья отпил воды из найденной в кармане рюкзака большой походной фляги, отметил про себя предусмотрительность Джо, сунул флягу обратно в рюкзак и вскинул его на плечи. Подпрыгнул несколько раз, рюкзак ошутимо хлопал по спине, но делать нечего, Илья развернулся на запад под прямым углом к дороге и уверенно зашагал вперёд.

Шагов через двести, когда просека железной дороги надёжно скрылась позади за деревьями, лес начал мельчать. Вместо огромных сосен, подпиравших небо, стали появляться невысокие ёлки. Потом и вовсе ландшафт сменился на просторные, солнечные холмистые поляны, где ёлки росли небольшими пушистыми группами. Взбираться на холмики стало трудно, усыпанная опавшей хвоей сухая земля, словно песок осыпалась под ногами, кроссовки вязли, рюкзак тянул назад. Спустившись с очередной вершины, Илья остановился, глубоко дыша, и не сразу разглядел, что лес впереди закончился и дальше простирался покрытый зелёной травой холм. Холм был довольно высок и закрывал собой весь обзор, есть ли там что за ним или нет, можно будет узнать, только взобравшись на его вершину. Илья мысленно застоялся, кляня холмы, любителей походов, изготовителей таких больших рюкзаков и советчиков, которые не могут ничего толком объяснить.

У последней ёлки, замершей, словно пограничник на страже леса, мальчишка скинул рюкзак, и огляделся. Нет. Отсюда ничего не видать, придётся карабкаться на холм, не такой уж и пологий, надо сказать.

«А если там дальше одни холмы и больше ничего? И чего я туда попрусь, как дурак? Пожалуй, стоит оставить рюкзак здесь под ёлкой и сходить на разведку налегке. Если чего найду, вернусь за вещами. Ёлка приметная – отыщу легко, да и не пойду я далеко». – Решив так, Илья залез под ёлку и пристроил рюкзак поближе к стволу.

Когда он довольный своим решением вылез из-под дерева, он не сразу заметил изменение в окружающей обстановке. А когда заметил, поспешил спрятаться, вновь заползши под густые еловые лапы. По склону холма навстречу Ильке бежал мальчишка. Бежал отчаянно, со всех ног, ежесекундно рискуя споткнуться и покатиться по склону. Отчего он так рисковал, Илья понял мгновенно – следом за ним бежали ещё три мальчишки. В том, что один убегает, а другие его преследуют, почему-то не возникало никаких сомнений. «Пожалуй, убежит, – прикинул Илья расстояние, – а я просто посмотрю, не буду вмешиваться. Я же не знаю в чем тут дело, и кто прав, кто виноват». Илья хотел отыскать людей, но встречать в чужие свары отнюдь не стремился. Мало ему своих конфликтов? Вот сейчас выяснит что к чему и тогда решит. Возможно, самое разумное тихо ретироваться. Хотя симпатии Ильки невольно были на стороне убегающего, и он мысленно пожелал тому удачи.

До кромки леса оставалось метров сто, холм под ногами бегущего мальчишки стал более пологим, и он ещё прибавил скорости, что показалось Ильке невероятным. Илья перевёл взгляд на преследователей, один из них остановился и раскручивал над головой какой-то камень на верёвке. «Неужто камнем кинет? Подлый приём!» – ужаснулся Илья. Но это оказался не просто камень. Верёвка с привязанными с двух сторон грузами, полетела, вращаясь, и враз обвила ноги беглеца. «Да это же боло – верёвка с грузами, чтобы на зверей охотиться. А тут человек!» – Илья негодовал. Происходящее совсем перестало ему нравиться.

Упавший мальчишка, меж тем вскочил, пытаясь разорвать или распутать верёвку, обвившую ему ноги. Увы, ему это не удалось, преследователи были уже рядом и, окружив его, стояли, стараясь отдышаться. «Попался, – констатировал Илья, – зря бежал, сейчас поведут тебя

обратно». Мальчишки были совсем недалеко от ёлки, где притаился Ильяка, и он легко видел, как беглец обречённо опустил голову. Но Ильяка ошибся. Преследователи не стали хватать беглеца и тащить его назад вверх по склону. Вместо этого старший (Ильяка решил так, потому что тот был повыше остальных) с размаху ударил пленника по лицу. Мальчишка упал, попытался отползти, но связанные ноги не позволили. Тогда подоспели и двое других, нанося удары лежащему мальчишке руками и ногами. Тот только прикрывался, как мог руками и пытался ползти, извиваясь всем телом, что у него совсем не получалось. При этом они не произнесли ни одного слова, не издали ни одного крика. Ильяка слышал только тяжёлое дыхание да глухие звуки ударов.

В первое мгновение Ильяка растерялся, потом испугался, в памяти невольно возникло его последнее неудачное сражение, синяки от которого болели до сих пор. Внезапно, Ильяка сам не понял как, он выскочил из-под дерева и кинулся в сторону драки, точнее избиения.

– Оставьте его! – голос Ильки сорвался от возмущения. Трое на одного, да ещё связанного – это уж совсем нечестно.

Трое мальчишек замерли, настороженно вглядываясь в незнакомца возникшего, словно ниоткуда. Ильяка подошёл очень близко и тоже застыл в нерешительности: старший из ребят оказался выше Ильки почти на целую голову, да и двое других выглядели довольно крепкими. Даже вдвоём с убежавшим Ильяка оценил бы свои шансы в драке не в свою пользу, а поскольку пострадавший мальчишка по-прежнему лежал на земле, не делая попыток подняться, то шансы и вовсе стремились к нулю. Ильяка отступил лишь на шаг, но не дальше. Трое стоявших мальчишек, смотрели на него с опаской и выглядели как-то странно, сперва Ильяка не понял в чём тут дело.

– Господин, – старший из подростков, заискивающе поглядел в лицо Ильеке и тут же опустил глаза, – нам приказали.

– Приказали избить его?! – возмутился Ильяка.

– Нет, – вздрогнул старший, – приказали вернуть. Это беглый раб, господин.

– Беглый раб? – не поверил Ильяка.

– Да, господин, вот, смотрите, – старший наклонился и, грубо схватив избитого мальчишку за волосы, повернул его лицом к Ильеке.

Ильяка не понял, на что ему указали, нахмурился – мальчишка как мальчишка, измазанное кровью и зеленью травы лицо. Лишь потом Ильяка рассмотрел рисунок, идущий под криво обрезанной русой чёлкой по лбу мальчишки. Тонкие линии татуировки, перевиваясь, образуя незамысловатый узор, тянулись через весь лоб, подобно узкому ремешку, надетому на голову. Ильяка перевёл взгляд и понял, что показалось ему странным с первого взгляда – татуировки. У всех троих имелись такие же татуировки.

– Но, вы ведь тоже рабы, – высказался наугад Ильяка и не ошибся.

– Да, господин. – Никто из преследователей не смел поднять глаз и посмотреть Ильеке в лицо.

– Зачем же вы бьёте его?

– Он уже второй раз попытался сбежать, а нам приходится его ловить, бегать за ним, – в голосе прорезалась скрытая ненависть и угроза, – хозяин очень недоволен.

Странные события, странный разговор. Ильяка был в полном замешательстве, словно в тумане, мысли прыгали, не желая выстраиваться в стройные цепочки. Вид избиваемого беззащитного мальчишки всколыхнул в Ильеке безудержный гнев, выдернувший его из укрытия, в тот момент он вообще ничего не соображал, а дальнейшие события только всё усугубили. «Рабы, хозяева – бред какой-то! Что там Джо говорил? Можно попасть в самые разные места? Но рабы... это уж слишком! Средневековье какое-то! Даже хуже! – Ильяка поморщился. – И одеты подстать: штаны да рубаха из грубой холстины. Ну, Джо! Ну!.. Не мог нормально пре-

дупредить?! Что мне теперь делать?! Что-то я совсем растерялся. А кто бы на моем месте не растерялся?»

– Отпустите его, – приказал Илька, приняв, как ему казалось, грозный, суровый вид.

Но мысли его отнюдь не радовали уверенностью: «Надеюсь, они привыкли подчиняться и побоятся возражать. Главное увести этого, а там... там, посмотрим».

Мальчишки беспокойно переглянулись, явно не зная, как поступить, потом старший с опаской всё же возразил Ильке:

– Мы не можем, господин. Хозяин приказал поймать его и притащить обратно.

– Я заберу его с собой, – ещё больше нахмурил брови Илька, расправил плечи, гордо вскинул голову, – а вы пошли прочь!

Старший ещё больше сжался от окрика, но не отступил. Он зыркнул на одного своего спутника, на другого и те очень слажено сдвинулись чуть назад и в стороны, сразу оказавшись у Ильки почти за спиной. Ильке этот манёвр решительно не понравился. – «Может, настала пора сменить тактику? Например, сбежать?»

– Господин, – старший беспокойно оглянулся на вершину холма, как бы ища поддержки. Там было пусто, он с сожалением вздохнул и продолжил: – Этот раб, и мы все принадлежим нашему хозяину, господину Гай-ка, и эта земля – его земля. Вы же не хотите забрать чужого раба на чужой земле? – Казалось, говоривший и сам пугался своей дерзости, но не собирался уступить.

– Ваш хозяин – господин Гайка? – рассмеялся Илька. Имя его рассмешило, но всё остальное заставило задуматься. Илька лихорадочно пытался припомнить всё, что он читал о рабовладельческом строе. Раб считался имуществом, значит забрать чужого раба – это все равно, что совершить кражу или грабёж. Как там решат местные, что о нём подумают, Ильку не очень волновало, если увести мальчишку к железной дороге, то их уже не найдут. (Здесь было слабое место в Илькиной теории, потому как он совершенно не был уверен, что их не смогут найти. Вроде как Джо говорил, что дорога место необычное, только, что он этим хотел сказать?) Но даже при таком раскладе было множество проблем. Что он будет делать с избитым мальчишкой на дороге? Он и сам ещё ничего не знает. Что они будут есть? Куда им идти? Может, мальчишке нужна помощь врача? Но самое плохое: Илька сомневался, что им позволят так легко уйти. На первый взгляд они его боятся, они рабы, а он – нет, но, с другой стороны, они должны защищать имущество своего хозяина, даже от покушения других господ. Что пересилит? Какие тут законы? Илька мог только гадать. Так что ж теперь? Оставить всё как есть? Просто уйти? Его самого, явно, никто не собирался задерживать.

Илька колебался, выбор был совсем не так прост. Конечно, герои в книжках, которые так любил читать Илька, никогда не бросили бы другого человека в беде. Только реальность почему-то была совсем не такая, как в книжке. Ильке стало страшно. Очень страшно. Это ведь не дома, где ты знаешь, чего ожидать. В крайнем случае, можно пожаловаться родителям или даже в полицию, а здесь: рабы, хозяева, всё чужое, пугающе жестокое, Илька чувствовал это кожей. А ну как его схватят сейчас, сделают татуировку на лбу и амба – поминай как звали. Будут потом с тобой делать всё что захотят, и жаловаться будет некому. А захотят и убьют, и за это им ничего не будет, и не поможет никто. Так что, книжки книжками, герои героями, а он, Илька, похоже совсем не герой. Или герой? Не он ли недавно собирался с башни прыгать, решил, что его жизнь закончилась, а теперь дрожит за свою жизнь? – «Так, то жизнь, а то свобода... Рабство-то похуже смерти, пожалуй. А может, и нет? У раба есть шанс освободиться, а у мёртвого второго шанса нет. А у меня второй шанс или нет? Жив я или мёртв? Джо так ничего толком и не объяснил».

Пока Илька размышлял и колебался, ситуация вдруг изменилась. На вершине холма показался ещё один человек. Он не стал спускаться вниз, а просто заорал что есть мочи: «Эй,

что там застряли, уроды, почему не тащите его сюда? Заставили меня подниматься! Вот получите от меня!»

– Здесь свободный мальчик, господин Кай-то, – крикнул в ответ старший, сразу втянув голову в плечи и бросив на Ильку злобный и одновременно затравленный взгляд. – Он хотел забрать Косту с собой.

– Какого чёрта! Что за ерунду ты несёшь?! – крикнул человек с вершины холма, и Илька разглядел, что он совсем не молод. Забираясь на холм, человек запыхался и теперь надсадно кричал, прерываясь, чтобы перевести дух. – Тащи сюда обоих. Если мне придётся спуститься, я со всех шкуру спущу.

Илька не успел даже сообразить, что он тоже включён в состав этих самых «обоих», как на него набросились сразу втроём – спереди и сзади. Он попытался вырваться, но с ним не церемонились, повалили на траву, заломили руки за спину, быстро и ловко скрутили за спиной верёвкой, жёстко впившейся в кожу от локтей до запястий. Видимо в этом у незнакомцев имелся большой опыт. Илька попробовал возражать, требовать, но его без всякого стеснения и страха саданули кулаком в бок. Он задохнулся и скорчился, и его тут же вздёрнули на ноги и потащили вверх по склону. Илька постарался упереться, его вновь ударили. В этот раз удар пришёлся справа, по большим рёбрам, Илька охнул, согнулся едва ли не пополам и больше не делал попыток сопротивления.

Взбираться на холм оказалось невероятно утомительно и к концу пути и пленники, и караульщики тяжело дышали. Мужчина на вершине холма был одет необычно, но куда лучше Илькиных конвоиров. На нем были кожаная жилетка, рубаша и кожаные же штаны. Его довольно правильных черт лицо, покрытое давно небритой щетиной, выражало нетерпение и раздражение. Особо Илька разглядывал его лоб, но не нашёл там никаких следов татуировки, это открытие Ильку не порадовало. Такого не запугаешь.

– Кого вы притащили?

Голос у мужчины показался Ильке истеричным, судя по всему, он больше привык кричать на рабов, чем разговаривать. Двое Илькиных конвоиров вжали головы в плечи не спеша отвечать. За них, как обычно, ответил старший, который чуть приотстал, подгоняя медленно плетущегося избитого мальчишку-раба.

– Господин Кай-то, этот молодой господин вышел из леса и велел нам отпустить Косту, – в тоне старшего прорезались нотки опытного ябеда.

– И чего ж вы не послали его к чёрту?! – господин Кай-то явно не ждал ответа на этот вопрос и сразу обратился к Ильке, – Ты кто такой?

– Я? – такой простой вопрос привёл Ильку в замешательство. Как тут объяснишь, кто он такой и откуда здесь взялся. И стоит ли объяснять? Может лучше выдумать историю? А для этого информации об этом месте маловато, как бы история не оказалась более неправдоподобной, чем абсолютно фантастическая правда. Задумавшись на мгновение, Илька вдруг неожиданно для себя повторил слова Джо: – Я человек, сын отца и матери.

Господин Кай-то фыркнул, сплюнул себе под ноги.

– Ладно, это не моё дело. Пусть господин Гай-ка сам решает. Тащите его в повозку.

– Эй, отпустите меня. Вы не имеете права!

– За кражу раба могут и повесить, – ухмыльнулся Кай-то, – готовься, человек, сын отца и матери. Тащите скорей. Я что тут, до вечера буду торчать? – Кай-то пнул одного из Илькиных конвоиров.

– Я не крал никаких рабов, – закричал задёргался Илька в панике.

– Мне всё равно, но, если ты не заткнёшься и будешь мне надоедать своими воплями, я велю всунуть тебе кляп. Ты понял? – Илька предпочёл промолчать, и Кай-то удовлетворённо ухмыльнулся. – Понятливый. Вот и прекрасно.

Худшие опасения Ильки стали сбываться с пугающей скоростью. Он уже корил себя, что поддался импульсу и вскочил из-под ёлки.

Дорогу в деревянной повозке, запряжённой парой лениво бредущих лошадей, Илька запомнил не слишком хорошо. Собственно, и запоминать было почти нечего – высокие поросшие травой холмы, на некоторых склонах которых паслись стада овец. Дорога петляла у их подножия, делая множество поворотов, извиваясь подобно змее. Но даже при этом ехали они недолго не более трёх часов, из чего Илька решил, что по прямой до леса, откуда он вышел не так уж и далеко. Они проехали мимо двух небольших деревень, где встречные плохо одетые люди в пояс кланялись, завидев их повозку. Впрочем, Ильку связанного положили прямо на сено, устилающее дно повозки и со своего места ему было мало что видно. Однако возражать он и не подумал. Ему и без того хватало проблем, страх сжимал ему сердце. «Чёртова башня! – ругал себя Илька. – Зачем я только туда пошёл?! Эка невидаль: кто-то подумал бы про меня плохо! А когда они про меня хорошо думали?! Шёл бы себе в школу и плевал на всех. Будто мне их мнение важно? Зато был бы дома, а не валялся связанным в грязной телеге. И что со мной будут делать? Ну зачем, зачем я это сделал?! Чёртова башня!»

Их дорога закончилась, когда они въехали во двор настоящего замка. Илька рассмотрел только высокие стены с узкими бойницами, угловые башенки с окнами едва ли шире бойниц, да увидел огромные натянутые цепи, когда копыта лошадей застучали по подвесному мосту.

Глава 2

Когда повозка замерла посреди просторного двора, окружённого каменными стенами, господин Кай-то, крихтя, прыгнул на землю, и исчез из виду. Илька лишь слышал, как он негромко вполголоса отдавал какие-то распоряжения. Потом из повозки вытащили беглого раба Косту. Тот не пытался сопротивляться и молча, абсолютно покорно делал всё, что ему говорили, Илька только теперь заметил, что Косте даже не связали руки и ноги в отличие от самого Ильки. Ильку же словно забыли, он уже хотел сам выбираться из повозки, как его подхватили за локти, рывком вздёрули на ноги и, подтолкнув в спину, повели вперёд. Вместо ожидаемых двух мальчишек рабов по обе стороны его вышагивали стражники в толстых кожаных доспехах с пиками в руках, огромные и хмурые.

Илька вжал голову в плечи, поглядывал на воинов с опаской, но шёл, помалкивая и без понуканий. Его не били, не тащили тут же делать татуировку на лбу, может и обойдётся? Пройдя несколько коридоров почти в полной темноте, где Илька едва различал спину идущего впереди стражника, поднявшись по небольшой в несколько ступеней лестнице, они вступили в обширный зал. В зале имелись окна, забранные чем-то серым и мутным, свет через них едва проникал и лишь слегка был способен разогнать густой мрак. В зале горели свечи на расставленных по углам многорожковых высоких подсвечниках. Неуверенный, колеблющийся свет порождал мечущиеся по стенам огромные угловатые тени. Привыкая к тусклому неверному освещению, Илька оглядывал зал и не сразу заметил высокое кресло у дальней стены. Стражник древком копья подтолкнул Ильку вперёд, и тот послушно зашагал, приближаясь к креслу или, может быть, трону.

Стоявшее на небольшом возвышении деревянное кресло с высокой резной спинкой на трон, по мнению Ильки, всё-таки не тянуло. В кресле сидел седой старик с худым морщинистым лицом, с крючковатым носом и маленькими колючими чёрными глазами. Ильке он сразу не понравился. Хозяин замка – наверняка это был он – постоянно хмурил густые седые брови, а на его голове наоборот было полное отсутствие волос, и лысина отражала мечущийся свет свечей. Чёрная одежда с высоким стоячим воротником, расшитым серебряным узором, плотно облегла тощее тело. Серебряная вязь по чёрной одежде смотрелась очень красиво, но, Илька решил, что это не придало красоты её хозяину. Может последние неприятные события, может мрачная обстановка зала повлияли на Илькино восприятие, но сидящий в кресле старик показался Ильке похожим на Кощея бессмертного.

Илька, рассматривая старика, неторопливо приближался. Его не подгоняли, но, когда он подошёл на расстояние двадцати шагов, один из стражников, стоявших подле кресла, сделал понятный без слов жест, и Илька остановился. Старик сверлил его глазами из-под нависших бровей. Илька подумал секунду и слегка поклонился – его учили здороваться со старшими, но заговорить первым он не решился.

Старик костлявой рукой сдёрунул чёрный украшенный серебром платок с правого подлокотника кресла и взору Ильки открылся небольшой, размером с крупный грейпфрут прозрачный шар, в котором поблёскивали искорки. Мальчишка смотрел на него как замороженный, с интересом и опаской не зная, что ему ожидать от этой неведомой штуки, которой хозяин явно придавал большое значение.

– Кто ты такой? – голос старика вопреки внешнему виду был довольно крепкий и властный.

– Человек, – за все время путешествия до замка Илька так ничего и не придумал.

Старик нахмурился, бросил беглый взгляд на шар и, очевидно, остался недоволен ответом.

– Ты, вероятно, знаешь, что это такое?

– Нет, – честно ответил Илька.

– Хм, действительно, – пробормотал старик, опять стрельнув глазами в шар, – я тебе расскажу. Это сфера истины. Если ты соврёшь, она станет непрозрачной, так что обмануть меня не получится. Ты не знал, что у меня есть такая?

– Нет, – замотал головой Илька, радуясь про себя, что не стал сходу рассказывать небылицы.

– Вижу, не знал, – ухмыльнулся старик. – Я всё про тебя выясню, хочешь ты того или нет. Лучше расскажи честно сам. Кто ты? Зачем бродишь по моим землям? Зачем пытался украсть моего раба. Для кого ты шпионишь? – И вдруг резко крикнул: – Отвечай!

– Я не шпионю, – Илька вздрогнул от неожиданного окрика, – я здесь совершенно случайно. – Илька был напуган, но слова свои контролировал. Врать было никак нельзя.

– Случайно, говоришь, – старик вновь перешёл на спокойный властный тон. – Так может, расскажешь кто ты и откуда? – Илька в ответ только слегка пожал плечами, пора откровений явно ещё не наступила. И так уже влип неясно во что, не хватало ещё лишнего ляпнуть не подумав. Старик терпеливо дал ему время на размышление, а потом махнул стражникам: – В темницу его к тому беглому рабу, пусть там обдумает, стоит ли молчать. Если он не шпион, значит наёмный убийца, хотя вроде и маловат.

– Нет, стойте, вы не имеете права! – Илька бросился к старику, но стража не зря ела свой хлеб. Двое воинов, стоявших возле кресла старика, мгновенно встали перед Илькой, заслонив хозяина.

– Точно убийца! – успел услышать Илька из-за их спин голос старика, и в этот момент один из стражников, что вёл его сюда, ударил его древком копья по затылку, и наступила полная темнота и покой.

Очнулся Илька от холода. Голова болела, и глаза не желали открываться. Болели руки в плечах и локтях, а запястья сдавливало словно тисками. Рядом раздался какой-то лязг и скрежет, Илька сделал усилие и разлепил веки. Перед глазами всё плыло и стоило некоторого труда сосредоточиться и понять своё положение. Его запястья охватывали широкие ржавые кандалы, соединённые цепью крепившейся за кольцо в стене над головой. Кольцо было так высоко, что Илька не мог ни прилечь, ни даже присесть, мог только стоять или повиснуть. При этом кандалы впивались в кожу, оставляя глубокие ссадины. Илька перевёл глаза вниз, ноги его тоже были скованы кандалами и прикованы к стене, но не это беспокоило его больше всего. На нем не было абсолютно никакой одежды, он был совершенно гол. Илька чуть не завыл от страха и отчаянья. Можно посадить человека в тюрьму, можно приковать его к стене, и он все равно будет искать способы побега, но лишни современного человека одежды, и он будет чувствовать себя совершенно беспомощным. Ильку такая ситуация точно выбила из колеи, он попытался скорчиться, но цепи не позволили, лишь острее впилась в запястья и лодыжки.

Илька в бессилии закрыл глаза, но тут же заставил себя, их открыть. С открытыми глазами страшно, а с закрытыми ещё страшней. Слева от него опять что-то заскрежетало, и Илька, дёрнувшись, вытянул голову стараясь рассмотреть источник звуков. В призрачном едва уловимом свете из малюсенького зарешеченного окошка под самым потолком темницы Илька сумел разглядеть своего собрата по несчастью. Там был ещё один мальчишка. Он находился в точно таком же положении что и Илька, был обнажён и прикован к стене за руки и за ноги. На Ильку он не смотрел, его глаза бессмысленно буравили темноту прямо перед ним. Глаза привыкли к темноте, и Илька узнал беглого мальчишку, разглядел синяки и ссадины по всему телу и лицу. Впрочем, он и сам выглядел примерно так же, и в этом были виноваты совсем не местные жители.

– Эй, – негромко позвал Илька, на секунду задумался и вспомнил имя: – Коста.

Мальчишка обернулся, почти равнодушно посмотрел на Ильку и опять уставился в пространство. Илька не унимался.

– Тебе сильно досталось? Прости, что не смог помочь.

Вторая попытка вызвала больше реакции. Мальчишка повернулся и стал рассматривать Ильку очень внимательно с ног до головы. Илька вдруг вспомнил, что он стоит тут голый, застеснялся, но глаз не отвёл. Мальчишка по-прежнему хранил молчание.

«Может, немой? Я от него ещё ни одного слова не слышал», – засомневался Илька, но сделал третий заход: – Сильно болит?

– Терпимо, – проскрипел мальчишка хриплым голосом, откашлялся, несколько раз сглотнул, – почти не болит. Зачем вы вмешались, господин? Ну, там... Почему не прошли мимо?

– Ну, – смутился Илька неожиданным вопросом, – трое бьют одного, это... это нечестно.

– У Вас плохое зрение, господин?

– Нет, – вопрос озадачил Ильку, – с чего ты взял?

– Вы не рассмотрели, что мы рабы и потому вмешались. Всё равно, это было неразумно.

Ой, простите, господин.

– Действительно неразумно, – легко согласился Илька. – Что тут поделаешь, человек не всегда поступает разумно. То, что вы рабы я не знал, но это ничего не меняет.

– Как это? – не понял Коста.

– Полагаю, я бы вмешался, даже заранее зная, что вы рабы. Я вообще против рабства. Все люди рождены свободными.

– Почему же живут свободными только некоторые, – глаза Косты сверкнули ненавистью, но он мгновенно отвернулся, пробормотал куда-то в пол: – Простите, господин.

– Слушай, что ты заладил: «господин, господин»?! – скривился Илька.

– Простите, господин, – привычно обронил Коста, запнулся на полуслове. – То есть... а как же мне Вас называть?

– Зови меня Илька, меня так...

– Иль-ка? – Коста дёрнулся, перебив Ильку. – Вы господин Иль-ка?

– Я Илька, только...

– Вы господин Иль-ка, – вновь перебил Коста, – внук и наследник герцога Иль-ка?

Илька замолчал. А что он мог сказать? Впрочем, Коста и не ждал его слов. Кажется, он был не на шутку поражён услышанным именем.

– Простите, господин Иль-ка, – Коста, похоже, опомнился и испугался, хотя чего ему было бояться в его-то положении, – простите мою дерзость.

– Так, Коста, прекрати всё время извиняться, я ведь сам вызвал тебя на разговор.

– Конечно, как скажете, – Коста посмотрел на соседа по камере так, словно уже не ждал от него ничего кроме больших неприятностей.

– Что тебя так поразило?

– То есть как? – пожал плечами Коста, цепи тревожно звякнули. – Вы сказали нашему хозяину кто Вы, а он бросил Вас в темницу. Никогда не думал, что господин Гай-ка может решиться на такое.

– Вообще-то я не сказал ему, кто я.

– Не сказали?! – поразился Коста, – но... но...

– Что «но», Коста?

– Но, почему?

– Почему, почему... – передразнил Илька, не зная, что ещё сказать. – Хотел посмотреть на вашу темницу.

– А зачем? – поразился Коста, приняв ответ за чистую монету.

– Оставим это, Коста, – поморщился Илька, он не хотел врать без особой нужды. – Лучше расскажи, за что ты сюда попал.

– За побег. Вы же это знаете, господин Иль-ка.

– А чего бежал-то? Другие, поди, не бегают?

– С управляющим не поладил.
– А что так? Нагрубил? Или работу вовремя не сделал?
– Если бы! – усмехнулся Коста. – Если не так ответишь или сделаешь что не так, он просто в зубы даст, да и вся недолга. Ну, может палкой по спине звезданет или пинка отвесит, к этому все привыкли.

– Так чего ж ты такого страшного сделал?
– Читал, – Коста опустил голову, словно ему было стыдно. – Простите, господин Иль-ка.
– Ну, – не понял Илька, – читал и что?
– Я... – Коста посмотрел на Ильку с каким-то сожалением, словно на умалишённого, и постарался разъяснить: – Меня управляющий застал ночью в баронской библиотеке. С книгой в руках. Отвертеться было никак невозможно. Пришлось признаться, что я залез туда, чтобы прочитать книгу.

– Так тебя за то, что ты в библиотеку без спроса залез? – уточнил Илька.
– Я смотрю у Вас кровь на волосах, господин Илька. Видать, вам здорово по затылку врезали, – сочувственно покачал головой Коста.

– Эй, ты меня за сумасшедшего-то не держи, – обиделся Илька.
– Простите, господин Иль-ка, – сжался Коста, – сам не знаю, что говорю.
– Хотя, нет! Коста! – обрадовался Илька. – Всё именно так и есть! Меня же по голове ударили, и я плохо соображаю и мало что помню. Рассказывай так, словно я ничего не понимаю, и глупым вопросам не удивляйся. Хорошо?

– Хо... хорошо, – с опаской согласился Коста.
– Так. Давай уточним. Тебя управляющий поймал с книгой в баронской библиотеке. Что, кстати, за библиотека такая?

– Библиотека – это там, где книги нашего барона хранятся.
– Это я как раз понял, а барон – это кто?
– То есть как кто? – совсем запутался Коста. – Наш хозяин, барон Гай-ка.
– Ага, – обрадовался Илька, – уже кое-что проясняется. Это такой тощий лысый старик в чёрной с серебром одежде?

Коста в испуге вжал голову в плечи, огляделся кругом, хотя и знал, что рядом никого, и только едва заметно кивнул.

– А почему вы его зовёте «господин Гайка», а не «барон Гайка» или, к примеру, «господин барон»?

– Мы же рабы! – покачал головой Коста. – По титулу его могут называть только дворяне. Вот Вы, например, может сказать ему «господин барон» или даже просто «барон».

– Ага. Отлично. – поощрил Косту Илька. – Давай дальше. Застал тебя управляющий в библиотеке. Ну, читал ты книгу, что ему не понравилось? Что ты книги барона без разрешения берёшь? Что ты от работы отлыниваешь? Так это же ночью было, в свободное время. Что не так?

– Откуда у раба может быть свободное время? Так не бывает. Раб всегда на работе и должен находиться там, где велено. Но дело не в этом вовсе. И в библиотеку мне разрешено было заходить, я же по дому разную работу делал: где что починить, убрать, в библиотеке книги на место расставить, полки протереть. Полки с книгами там до самого потолка нужно по лестнице лазать, а я самый ловкий. Управляющий просто не знал, что я читать умею, и никто не знал.

– Ну и что?

– Ну, понимаете, господин Иль-ка, – Коста осёкся, подбирая слова, – управляющий сам едва слова по слогам складывает, он просто завидует. Как он может допустить, что последний раб лучше него, свободного человека, грамоту разумеет. Вот он и люзует.

– Что же он сделал, когда тебя застукал?

– Порол, потом на самые грязные работы отправил, потом опять порол и... лучше не вспоминать. А когда я думал, что всё уже кончилось, он меня опять в библиотеке застукал. Тогда я первый раз и сбежал.

– Однако! Столько перенёс за книги и опять в библиотеку?

– Да, – снова весь съёжился от страха Коста, – простите, господин Иль-ка.

– За что же мне тебя прощать? Я не против того, чтобы ты книжки читал. Я и сам люблю читать. И вообще не бойся меня. Я тебе ничего плохого не сделаю.

– Вы грамоте обучены? – удивился Коста. – Наш хозяин читать не умеет. Он, если ему надо, монахов зовёт.

– А библиотека ему зачем?

– Жена у него читать умела. Только она умерла давно, а наследников у них не было.

– Ладно. А второй раз, отчего сбежал? Неужто опять из-за книг? – Коста только печально вздохнул. Илька засмеялся: – А ты упрямый.

– Управляющий так же сказал, – согласился Коста, – только совсем другим тоном.

– Это выяснили, – удовлетворённо заметил Илька. – Скажи, что тебе грозит?

– За побег? – Коста потемнел лицом. – Управляющий обещал до смерти запереть. Он может. Но решать хозяин будет. Если проснётся в хорошем настроении, может, и не убьют. А если в плохом...

– Ты погоди вешать нос, – попытался подбодрить его Илька, – ещё ничего не известно. Расскажи-ка ты мне лучше обо мне.

– Как это о Вас?

– Ну, всё, что ты знаешь о герцогах Илька.

– Я же с ними никогда не встречался только то, что читал, да слухи разные.

– Вот всё что знаешь и рассказывай. И ничего не бойся.

– Как скажете, господин Иль-ка. Герцог Иль-ка двоюродный дядя короля Рой-ка, герой семилетней войны, очень богат, имеет обширные владения, вторые по величине во всём королевстве. Имеет множество крупных и мелких вассалов. У герцога было множество дочерей и всего один сын, который погиб несколько лет назад. Кажется, лет десять прошло. К счастью, сын герцога успел жениться и родить сына, который и является единственным наследником старого герцога Иль-ка. Так что Вы, господин Иль-ка, как известно, один из самых знатных и богатых наследников королевства. Впрочем, этого Вы уж никак не могли забыть. Кстати, наш хозяин – вассал герцога, а значит, по сути, и Ваш в будущем. А так как у барона нет наследников, то его земли отойдут в распоряжения старого герцога и Ваше. Вот, пожалуй, и всё. Ну, ещё только слухи, что старый герцог очень Вас любит, бережёт и никуда от себя не отпускает. Так что очень удивительно, что Вы гуляете по землям барона, да ещё и в одиночку.

– Послушай, когда барон и герцог виделись в последний раз?

– О, очень давно. Как раз тогда, когда погиб ваш отец. Там очень тёмная история, которая мне совершенно неизвестна. Я слышал только, что старый герцог Иль-ка был очень недоволен бароном и велел ему не показываться на глаза, пока его не позовут. Вероятно, барон был как-то замешан в гибели Вашего отца. Он, говорят, пытался оправдаться, года три слал письма герцогу, но не преуспел, а потом и привык.

– Значит, он видел меня только ребёнком? Я вот совсем не помню барона Гайка.

– Это неудивительно. Но я полагал, что Вы знаете эту историю.

– Теперь знаю, – пробормотал Илька, – а скажи, как зовут вашего барона?

– Как зовут? – не понял Коста, – Вы же знаете – барон Гай-ка.

– Да знаю, что Гайка, – нетерпеливо поморщился Илька, – так ведь всех здешних баронов звали. А персональное имя? Вот мой дед герцог Илька и я Илька, как различать о ком говоришь?

– А, вот Вы о чем, – наконец сообразил Коста, – есть имя, только обычно так никто господ не называет только самые близкие родственники: родители или супруги. Имя нашего хозяина Грасил барон Гай-ка.

– А моего деда?

– Ну, Вы и вопросы задаёте, господин Иль-ка, простому рабу.

– Не простому, а грамотному и любящему читать.

– В ваших словах это звучит словно похвала. Погодите, дайте вспомнить, кажется... да точно, его зовут Триденс герцог Иль-ка. Правильно?

– Правильно, – кивнул Илька с сомнением, – ну, а меня?

– Про Вас я точно читал, – хотел почесать затылок Коста, но только звякнул цепью, посмотрел на неё недоуменно, – Имя у Вас такое странное. Сейчас, сейчас, а, Ермак! – Коста расцвёл, – да, точно Ермак.

– Да уж, – поразился Илька, – точно Ермак Илька. Это уж верно про меня. А ты молодец! Хорошая память. Кто тебя читать-то учил?

– Никто, – насутился Коста.

– Это как же? Буквы должен был кто-то показать.

– Само получилось, – пояснил Коста, – я ведь в доме работаю с малых лет, сколько себя помню. В библиотеке хозяйке всегда я помогал. Хозяйка у нас хорошая была, добрая. Читала много, а я книги доставал да на место ставил. Она книгу назовёт, а я на корешок посмотрю и запомню. Так понемногу и научился понимать.

– Однако, – восхитился Илька, – у тебя талант. Ну, хватит об этом. Что-то я совсем замёрз пора, наверное, выбираться отсюда. Как бы мне поговорить с бароном? Как тут вызвать стражника?

– Не надо стражника звать, – испугался Коста, – они не любят, когда их беспокоят. Злющий придёт, бить будет.

– Придётся рискнуть, – вздохнул Илька, и заорал что есть мочи: – Эй, стража!

Глава 3

После третьего крика в замке заворочался ключ. Коста постарался отодвинуться от Ильки как можно дальше, насколько позволили цепи, он был бледен, но собран. Ключ скрежетал в замочной скважине довольно долго, потом обитая металлом тяжёлая дверь распахнулась, и в подземелье ворвался стражник. Весь его вид не оставлял никаких сомнений о судьбе нарушителей спокойствия, но Илька не дал ему ни секунды времени.

– Стоять! Смирно! – гаркнул он что есть мочи.

Стражник на мгновение замер, потом глаза его начали наливаться кровью, но и здесь Илька опередил его.

– Если ты хочешь лишиться своего поста, нажать кучу проблем и потом всю жизнь чистить выгребные ямы, то ты можешь делать то, что собирался.

Стражник онемел в растерянности, уж больно уверенно говорил этот голый сопляк. Даже люди постарше, попадая в такую ситуацию, вели себя куда как скромнее. А ведь кто он неизвестно, а вдруг, да у него есть могущественные покровители. Все его сомнения Илька разглядел на его лице и усилил напор.

– У меня срочные сведения для твоего хозяина. Если он не получит их сегодня, то он жестоко накажет всех, кто этому помешал.

Стражник застыл на месте, не зная, что ему предпринять, такого с ним ещё не случилось. Обычно узники вели себя очень тихо и незаметно, заискивали со стражей, умоляли о снисхождении. Старались оттянуть миг встречи с хозяином, так как ничем хорошим для них это обычно не кончалось. А этот сам требует встречи. И что делать? Врезать ему так, чтобы заткнулся, а если у него в самом деле важные сведения? Его ведь откуда-то привезли, и кто он – не выяснили, вдруг посланник самого короля. А с другой стороны, побеспокоить хозяина зря – тоже беда будет. Ну, почему это случилось именно в его смену? Илька и тут помог тяжким мыслям стражника.

– Бегом за начальником охраны, пусть он решает, и веди сюда человека, чтобы снять кандалы. Эй, – окликнул Илька развернувшегося к двери стражника, – и одежду мою захвати, не пойду же я к твоему хозяину в таком виде.

Стражник с видимым облегчением скрылся за дверью. Он спешил к начальнику охраны и радовался, что ему не доведётся самому тревожить господина Гай-ка. В крайнем случае, начальник охраны будет недоволен – это легко пережить. Ну, может, придётся простить начальнику долг за проигрыш в кости три дня назад. А может, и не прощать, а только дать ему отыграться? Зато перед хозяином будет начальник сам отвечать, что бы там ни было на самом деле.

Уговаривать начальника долго не пришлось. Видимо барон Гай-ка дал ему какие-то указания насчёт странного пленника. Выслушав требование Ильки о встрече с хозяином, он велел снять с него кандалы. Здоровенный кузнец с опалённой бородой притащил с собой молот и небольшую походную наковальню, ловко отцепил цепь от кольца в стене, выбил заклёпки из кандалов, и легко разогнув оковы голыми руками, освободил пленника. Начальник охраны хмуро швырнул Ильке его одежду. Пока Илька потирал ссадины на запястьях и торопливо одевался, кузнец без лишних слов собрал свои инструменты и покинул камеру. Покинул камеру и охранник, по приказу отправившись предупредить хозяина. Всё-таки участь известить барона его не миновала, но теперь он лишь выполнял приказ начальника и был спокоен. Вместо него появились два стражника с неизменными копьями и, заняв место впереди и за спиной Ильки, повели того по коридорам на встречу с бароном.

Барон выглядел так, словно и не покидал своего высокого кресла. Лишь на губах его сейчас играла лёгкая усмешка. Ещё бы! Не пришлось долго возиться и этот шпион или, быть может, наёмный убийца уже готов всё рассказать. Барон был очень доволен собой и, когда

пленник занял своё место (на этот раз несколько дальше от трона, для безопасности), барон демонстративно снял платок, открывая сферу истины. Ему нужна только правда.

Илька на секунду замер. Он заранее продумал, что должен сказать, с чего начать разговор и сейчас, глядя на барона, мысленно лишь перепроверил себя.

– Я не шпион, – начал Илька твёрдым голосом, отметил беглый взгляд барона на сферу истины и продолжил, – я не вор и уж тем более не наёмный убийца.

Барон, глядя на неизменно прозрачный шар, разочарованно слегка поджал губы. Видимо он ожидал другого признания, но молчания не нарушил. Перевёл взгляд на Ильку и вопросительно приподнял брови, всем видом показывая, что ждёт продолжения.

«Будет тебе продолжение, не спеши», – подумал Илька.

Сам он спешить не собирался, сейчас наступал ключевой момент. И самый скользкий момент. Момент, который чрезвычайно беспокоил Ильку. Насколько сфера истины могла чувствовать в словах правду. То, что мальчишка собирался сказать, было, безусловно, правдой. И не совсем правдой вместе с тем. Это как посмотреть. Ну, тут уж или грудь в крестах или голова в кустах. Причём головы можно лишиться в самом прямом смысле. А отступить уже некуда.

– Меня зовут Илька, – громко сказал Илька.

Барон привычно скосился на сферу истинности, к счастью, оставшуюся неизменно прозрачной, и только потом осознал, что именно он услышал. Его приподнятые седые брови, кажется, выползли на середину лба, но старик быстро справился с удивлением, выдержки ему было не занимать.

– Вы внук Триденса герцога Иль-ка?

Хозяин замка уже взял себя в руки, но в его голосе Илька уловил недоверие, смешанное с трепетом. А ещё Илька с ликованием отметил смену обращения с «ты» на «Вы». А вот вопрос был не прост. И ответить на него Илька никак не мог, это уж совершенно точно истиной не являлось.

– Барон, – Илька заметил, что старик чуть вздрогнул от такого обращения, – Вы всё прекрасно расслышали и подтвердили с помощью своей сферы. Или Вы сомневаетесь в своём приобретении? Ну, хорошо. Я беглый раб! – Илька заворожено наблюдал, как реагируя на его заявление, внутри сферы за клубился туман, и через секунду сфера стала молочно-белой. Барон лишь мельком досадливо глянул на ценный артефакт. – Илька торжествовал, удалось отвлечь внимание барона от заданного им неудобного вопроса.

– Но что Вы делали на моей земле один, без свиты, без оружия?

– Барон, я не собирался наносить вам официальный визит или воевать с вами. Зачем мне свита или оружие? Я путешествовал почти без всякой цели. Хотел осмотреться, узнать, как обстоят дела, как люди живут. – Всё сказанное Илькой до последнего слова было правдой, и сфера вновь приобрела былую прозрачность и заиграла таинственными искорками. Слова были правдивы, но смысл их зависел от отправной точки. Илька вкладывал в них одно значение, которое и было правдой, а барон понимал их несколько иначе, исходя из известных ему предпосылок. Но то, что барон обманывался в своих выводах, была не Илькина проблема. Главное, что он не лгал, и сфера подтверждала истинность его слов.

– Вы могли бы просто спросить меня. Я ничего не скрываю, – слегка уязвлённо заявил барон.

– Барон, – Илька высокомерно задрал нос, выпятил вперёд подбородок, – я помню, Вы вассал герцога Илька. Позвольте мне самому решать, как мне поступать. Если я захочу, я спрошу Вашего совета.

Старик и виду не подал, что его задели эти слова, секунду он колебался, но потом поднялся с кресла, сошёл с возвышения и опустился на одно колено, склонил голову.

– Простите мою дерзость, Ваше высочество.

– Бросьте, Барон. Это всего лишь недоразумение. Уверен у меня больше не будет повода вспоминать об этом. – Илька постарался, чтобы его слова звучали слегка двусмысленно, и опытный барон уловил намёк.

Старик поднялся, махнул рукой страже, что они больше не нужны. Стражники, приведшие Ильку, поклонились и строевым шагом удалились, однако стражники у кресла остались. Барон было предложил Ильке занять его место, но Илька настоял, чтобы старик сел.

– Простите, герцог, старику его любопытство, но что на вас за странная одежда? Сейчас такая мода при дворе?

– Нет, полагаю, ко двору в этом не пойдёшь. Но для путешествий молодёжь часто выбирает подобную одежду. – Илька пристально поглядел на хозяина замка, и кивнул на сферу истины – Барон, Вы же не собираетесь проверять каждое моё слово?

– Разумеется нет, герцог, – ответил барон, с натянутой улыбкой накрывая шар расшитым серебром платком, – просто запмятовал, простите старика.

– О, не скромничайте, барон, – мило улыбнулся Илька, не сомневаясь, что при последних словах хозяина сфера стала совершенно непрозрачной, – уверен, Вашей памяти позавидуют и молодые. – Фраза вторично вышла двусмысленная с учётом обстоятельств, но Илька был этому только рад. Он, прочитавший множество исторических и приключенческих книг, втянулся в интригу и стал получать от неё странное удовольствие.

– Увы, Ваше высочество, годы берут своё. Когда-то я сражался плечом к плечу с Вашим дедом, эти славные времена уже в далёком прошлом. Как поживает герцог Иль-ка?

– Спасибо, господин барон, у него всё отлично. Он тоже рассказывал мне кое-что о Вас, – сегодня Ильку просто тянуло на неоднозначные, со скрытой угрозой фразы. Он только потом сообразил, что старый герцог, не мог рассказывать ничего хорошего о человеке, замешанном в смерти его сына и практически объявленном нежелательной персоной. Илька постарался сгладить впечатление от неловкой фразы: – Простите, барон, я не намеревался задерживаться на Вашей земле, но раз уж обстоятельства привели меня к Вам, позвольте воспользоваться вашим гостеприимством. Честно сказать, у меня был тяжёлый день, – Илька невольно потрогал затылок, куда пришёлся удар копьём. Подумал: – «Чёрт, опять неприятный намёк, барону. Ну да пусть ему». – А вслух сказал: – Я бы хотел отдохнуть, с Вашего позволения.

– Разумеется, герцог, – отозвался старик, как показалось Ильке с некоторым облегчением. – Вас проводят в гостевые покои и принесут всё необходимое, всё что попросите.

– Буду Вам очень благодарен, – учтиво поклонился Илька, – если Вы пришлёте ужин прямо в мои покои, я бы хотел побыть один.

– Разумеется, герцог, – вновь повторил барон, – я обо всём позабочусь.

Барон подозвал к себе лакея и вполголоса дал ему несколько указаний. Лакей низко поклонился барону затем Ильке.

– Прошу Вас, господин, следовать за мной, я провожу Вас в ваши покои.

Илька сделал несколько шагов и, словно вспомнив о чем-то, остановился и полуобернулся к хозяину.

– Чуть не забыл, барон, мне сегодня понадобится прислуга, я бы хотел, чтобы мне прислуживал тот раб, из-за которого началось это недоразумение. Тот, что у Вас в темнице.

– Что за странное желание, герцог? Этот раб не отличается послушанием, как Вы понимаете. Он нерадив. Уверен, мои слуги позаботятся о вас наилучшим образом. Может быть, лучше прислать Вам молодую горничную? У меня есть очень симпатичные служанки, они все к Вашим услугам.

Илька почувствовал, что у него розовеют щеки, и даже на мгновение заколебался, не согласиться ли, но потом решительно отказался. Перед его мысленным взором мелькнули картины, как множество рабов выполняют любое его малейшее желание. Мелькнули, поманили своей соблазнительностью и были безжалостно сметены волной гнева и злости на самого

себя, на свою слабость. Как он мог думать о таком?! Нет! Рабство мерзко, а рабовладельцы – выродки.

– Нет, барон, я бы предпочёл в прислугу именно того раба. Именно потому, что он не отличается послушанием. У меня есть свои способы укрощения рабов, и я бы... – Илька сделал многозначительную паузу. – Так что, если этот раб не дорог Вам чем-нибудь особенным...

– Дело не в том, что я дорожу рабом, я сомневаюсь, что он переживёт наказание, так что можно сказать, что он уже мёртв.

– Так в чем же дело? – Ильке стоило большого труда сохранить хладнокровие и скрыть дрожь в голосе.

– Он очень строптив, и ему уже нечего терять. Я опасаясь, он может напасть на Вас. Если мой раб причинит вред моему гостю в моем доме... Вы понимаете, господин герцог, я не могу этого допустить.

– Действительно, – усмехнулся Илька, – для Вас это было бы крайне неблагоприятным событием. Скрыть это от моего деда было бы очень затруднительно. Но знаете, барон, я тоже не привык отступаться от своих замыслов.

– Ох, герцог, я Вас так хорошо понимаю, – вздохнул барон с неподдельной тоской в голосе. – Это так свойственно молодости. В вашем возрасте я был таким же бескомпромиссным.

Годы брали своё и над этим закалённым воином и интриганом. Илька на мгновение испытал острый приступ жалости к этому одинокому старику. Но он быстро взял себя в руки, негоже поддаваться эмоциям.

– Послушайте, господин барон, я, кажется, нашёл поистине замечательное решение, которое снимет все проблемы. – Илька широко улыбнулся. – Вы всё равно практически потеряли этого раба. Вы сами сказали, что наказание он не переживёт. Будьте щедрым, радушным хозяином, сделайте мне, Вашему гостю, подарок, подарите мне этого раба. Вы избавитесь от строптивного раба. Я получу своё – то, что хотел. А если что случится, если он на меня нападёт, чего я совсем не опасаясь, но если всё же такое случится, то к Вам не может быть никаких претензий, это ведь будет не Ваш, а мой собственный раб. За своих рабов отвечаю я сам.

Старик колебался почти минуту, потом кивнул.

– Если я подарю вам негодного раба, в этом тоже моя вина, но Вы правы, герцог. Вы мой гость, я не могу отказать гостю в такой пустяковой просьбе. Я дарю Вам этого раба. С того момента как его приведут к Вам, Вы сами будете нести за него полную ответственность.

– Спасибо, барон, Вы очень великодушны.

– Я отдам распоряжение, раба Вам приведут, а дарственную бумагу я отдам Вам завтра с утра, сегодня уже оформить не успею.

– Благодарю, господин барон, – Илька отдал лёгкий поклон, – я этого не забуду.

На этот раз Илька ушёл за лакеем не оглядываясь.

Ему отвели сразу три смежные комнаты со сводчатыми потолками: спальню, гостиную и ещё одну назначение которой Илька сразу не понял. В спальне почти все место занимала большая кровать под балдахином на резных витых столбиках. Стены были покрыты коврами, а на полу перед кроватью брошена шкура медведя. Угол отгораживала ширма. Вход в спальню был только из гостиной, в которой имелся стол, три кресла, стену закрывал гобелен с выцветшей батальной сценой. Имелся и камин, вытяжной колпак которого был украшен гербовым щитом. Другая дверь из гостиной вела в третью самую маленькую комнату, где вдоль стен стояли две простые широкие лавки и большой окованный сундук в углу. Илька условно назвал её прихожей, хотя привычные прихожие она ему не напоминала. Уже из этой комнаты в мрачный коридор замка вела дверь с тяжёлым засовом.

Илька, оставшись один, быстро оглядел все три помещения, заглянул за каждый ковёр и даже за гобелен, ощупал стены. Как он читал, в подобных замках имелось множество потайных

ходов. Владевший их тайной мог скрытно и неожиданно появиться прямо за спиной. Если таковые ходы и были, то Илька их не нашёл. Он даже в камин заглянул. Что он там хотел найти? Раньше в камин он никогда не заглядывал и представления не имел, как там всё устроено.

В дверь постучали. Илька вернулся в прихожую, крикнул: «Входите». Дверь, скрипнув, отворилась, и в неё бочком, непрерывно кланяясь, протиснулся управляющий Кай-то.

– Простите, господин Иль-ка, хозяин велел предоставить Вам всё, что понадобится. – От его бывшей надменности и заносчивости не осталось и следа, он источал слащавую любезность. Вероятно, боялся, что Иль-ка припомнит ему утреннее происшествие. – Вам стоит только спросить, всё будет сделано по Вашему малейшему слову. – Илька надменно кивнул, нужно было играть свою роль. А Кай-то, меж тем, не замолкал: – Ещё хозяин сказал, что подарил Вам того беглого раба, я привёл его к Вам по приказу хозяина.

– И где же он? – нетерпеливо бросил Илька. – Привёл, так заводи сюда.

– Как прикажете.

Управляющий выглянул за дверь, махнул рукой. Стражник тут же втолкнул Косту внутрь помещения. Мальчишка был по-прежнему в кандалах, которые мешали ему нормально переставлять ноги, он упал на колени и склонил голову, не делая попыток подняться. Илька шагнул к нему, взял за подбородок и поднял голову, мальчишка смотрел обречённо и равнодушно. Илька заметил на его скуле свежую ссадину. Он в бешенстве обернулся к Кай-то, схватил его за грудки, зашипел:

– Это что? Ты знал, что хозяин подарил его мне и ударил его? Ты ударил моего раба?

– Я... Я... Кай-то от неожиданности напугался, побледнел и начал заикаться.

– Ударить чужого раба без разрешения – это оскорбление его хозяину, то есть мне! – шипел Илька на перепуганного управляющего. – А за тебя будет отвечать твой хозяин. Ты хочешь поссорить господина Гайка с герцогом Илька?

– Не... не... нет, – с трудом проблеял перепуганный Кай-то.

– Пшёл вон! Нет, стой. Снимите с него кандалы, дайте ему одежду и приведите ко мне и живо. И если ещё хоть один волос упадёт с его головы без моего позволения, ты об этом пожалеешь. А эту ссадину я тебе не забуду. Понял?

Управляющий только суетливо закивал.

– Понятливый, это хорошо, – насмешливо бросил ему Илька, припомнив их первую встречу на холме.

Не прошло и четверти часа, управляющий, непрерывно мелко кланяясь и пропустив Косту впереди себя, заглядывал в дверь. Теперь мальчишка был избавлен от тяжёлых железных «украшений» и одет в неизменные холщовые штаны и рубаху. Едва войдя Коста, как и в прошлый раз опустился на колени и склонил голову. Илька только мысленно вздохнул – будет не просто.

– Когда будет ужин? – стараясь пока не обращать внимания на коленопреклонённого мальчишку, обратился к управляющему Илька.

– Примерно через час. Простите, господин, хозяин всегда ужинает в одно и то же время, к этому времени и будет готов ужин, – и заторопился, уловив недовольство молодого господина, – но ужин сразу принесут к Вам в комнату, как Вы и просили.

– Ну что ж, – не подал виду Илька, – как раз собирался прогуляться перед ужином, посмотреть замок.

– Позвольте Вас проводить?

Улыбка управляющего была настолько фальшива, что даже мирному Ильке захотелось дать ему в морду.

– Я справлюсь сам.

– Господин, замок довольно большой, в нем много тёмных закоулков и запутанных коридоров.

– Ты смеешь думать, что потомок древнего прославленного рода может заблудиться в замке?! – Илька скорчил страшную рожу. Этот управляющий ему порядком надоел. – Вон отсюда. Если ты мне понадобишься, я пошлю за тобой.

Управляющий с поблёкшей улыбкой низко поклонился и исчез, притворив за собой дверь. Илька быстро задвинул засов и повернулся к Косте.

– Подымайся, – Илька подхватил мальчишку за локоть и помог подняться, – иди-ка сюда, поближе к свету. Да, здорово тебя отделали, весь в синяках. В темнице я всего не разглядел.

– Простите, господин.

– За что же ты просишь прощения? Разве ты виноват в этих синяках и ссадинах?

– За то, что Вам достался такой жалкий раб.

Илька только тяжело вздохнул. Меньше всего он хотел стать рабовладельцем. Была бы возможность, он бы всех рабов отпустил на свободу, но этот замысел был ему не под силу. Ни революцию, ни восстание рабов он бы организовать не смог, да и знал из книг, к чему приводят преждевременные восстания. Но одному конкретному человеку надеялся помочь. При этом нужно не засыпаться на какой-нибудь ерунде, а значит, пока они не выберутся в более цивилизованные места вести себя должно как все рабы и рабовладельцы, не выделяться. Пожалуй, не стоит пока ничего такого объяснять Косте, обнадёживать его раньше времени, разумно будет его только успокоить.

– Послушай, Коста, сейчас тебе ничего не грозит. Я не собираюсь тебя наказывать или мучить. Успокойся, теперь всё будет хорошо. Мне нужно только, чтобы ты не пытался пока бежать. Пока ты рядом со мной, я смогу тебя защитить, но, если... Ты понимаешь? Хорошо. Как ты себя чувствуешь? Переломов нет? Ребра целы? – Илька невольно потрогал свой правый бок.

– Всё в порядке, господин.

– Идти можешь?

– Конечно, господин.

– Ты ведь хорошо знаешь замок. Проводишь меня, чтобы я не заблудился?

– Как прикажете, господин.

– Отлично. Пошли у нас не так много времени до ужина, а я уже слона бы съел.

Замок взаправду оказался большим, мрачным, путанным и пыльным. Пыль и мусор, паутина и затхлость наполняли все дальние тёмные углы. Поразил Ильку туалет – практически просто отверстие, устроенное в башне, где стена выпячивалась наружу, с таким расчётом, чтобы то, что оттуда льётся, не запачкало стены замка. Что было с той стороны прямо под стеной, видимо, никого не интересовало. Илька почёл за благо не забивать себе голову чужими проблемами. Ему хватило того, что он по глупой беспечности выглянул в окно башни и испытал очередной приступ страха и головокружения. После чего дал себе слово держаться подальше от всех этих чёртовых башен, а уж замковые они или водонапорные не так важно.

Пожалуй, единственное, что пришлось ему по душе – это библиотека. Размерами она была не велика, поменьше трёх отведённых ему комнат, но шкафы занимали все свободные стены. От самого пола вплоть до высоченного потолка шли полки, заставленные толстыми, громоздкими томами, обтянутыми выделанной гладкой кожей и скреплёнными металлическими застёжками. Да, вот это богатство! При иных обстоятельствах Илька не преминул бы задержаться здесь надолго. Да что там, задержаться! Его было бы не выгнать отсюда. Попросив Косту найти ему книгу по геральдике и истории дворянских семей, Илька осторожно развернул её на пюпитре. Толстые желтоватые шуршащие страницы, покрытые крупными буквами с длинными завитками, разноцветными рисунками гербов и щитов, источали странно привлекательный запах. Илька с восторгом, с невероятным почтением листал страницы в поисках своего имени и замечал лишь азартный блеск в глазах, склонившегося рядом Косты. Да уж! Книга была поразительная. Никогда прежде Ильке не приходилось держать в руках книгу, сделанную

с таким искусством, и уже то открытие, что имя Иль-ка, как и Гай-ка, как и все другие писались через дефис, почти не вызвало никаких эмоций. Хватит на сегодня переживаний.

Илька с сожалением оглядел полки. Как можно жить рядом с таким богатством и совсем им не интересоваться, да ещё и других за интерес наказывать. Несчастливые люди! Увы, ему тоже это богатство было недоступно. Пришла пора топтать в свою комнату на ужин, а завтра он собирался покинуть столь «гостеприимное» место, и никакие даже самые замечательные книги не могли заставить его задержаться.

Когда мальчишки вернулись, в комнате уже суетились трое лакеев с рабскими татуировками. На столе расставлялись тарелки из начищенного до блеска серебра, кубки на длинных ножках, исходящие паром большие миски, блюдо с хлебом, украшенные чеканкой кувшины. Приборы, наоборот, были предельно просты. Одна обыкновенная большая ложка, двузубая вилка, широкий нож с крепкой ручкой. Обилие суетящегося народа нагнало на Ильку тоску. Последний лакей принёс медный таз с водой и полотенце – простой кусок холста. Прислуга замерла вокруг стола вытянувшись и глядя поверх голов в пространство, ожидая пока гость – молодой господин соблаговолит сесть за стол. «Только этого мне и недоставало! – устало подумал Илька. – Я чего сам не справлюсь?»

– Поставь таз сюда, – отдал приказание Илька, – и полотенце положи. Прекрасно! Теперь все свободны.

Прислуга недоуменно переглянулась. Потом, видимо старший из них обратился к Ильке.

– Простите, мою дерзость, господин, нас прислал господин Кай-то, чтобы прислуживать вам за ужином.

– За ужином мне будет прислуживать он, – Илька ткнул пальцем в скромно стоявшего в уголке Косту, – больше никого не хочу видеть. – Илька надменно задрал нос.

Лакеи нерешительно переглянулись и вслед за старшими гуськом вышли из двери. Илька тут же задвинул засов и с облегчением вздохнул. Вода в тазу оказалась чистая и чрезвычайно холодная. Илька с наслаждением умылся, вымыл руки, Коста уже стоял подле него, подавая ему полотенце.

– Спасибо, – кивнул Илька, засмеялся, увидев недоуменные глаза. – Что? Тебе спасибо никто не говорил? Ничего, привыкнешь. Давай умывайся.

Коста был озадачен, но выполнил приказ без споров. Илька подал ему полотенце.

– Вытирайся и иди сюда. Сюда, сюда, чего ты встал?! Садись. Да садись же ты. Вот твоя тарелка. Да чего ты шарахаешься?! Сядь за стол. – Илька нажал на плечи, усадил порывающегося вскочить Косту, – Ложка у нас, к сожалению, только одна, ну думаю тебе ложкой привычней, а я и вилкой управлюсь. Сам положи себе, что хочешь. Можешь хоть всё здесь съесть. Только не объешься, а то живот заболит.

Илька отошёл к своему креслу, взял кувшин со стола, заглянул, понюхал, поморщился. Взял второй – то же самое.

– Вино, – с сожалением констатировал он, – воды нет. Придётся пить, что дают. – Он налил в кубок, поставил его рядом с Костой, потом налил себе. – Нет, нет, так не пойдёт! – Возмутился Илька. Ты чего сидишь с пустой тарелкой? А! Понял! – ухмыльнулся Илька. – Хочешь, чтобы я тебе прислуживал? Ну что ж, изволь. – Илька стал лопаткой из глубокой миски накладывать жаркое на тарелку Косте. Мальчишка дёрнулся, но не посмел отобрать лопатку у хозяина. Похоже, он пребывал в некотором шоке. – Как ты думаешь, что это? А? – поинтересовался Илька, наполняя тем же свою тарелку.

– Должно быть жаркое из кабана.

– Да? Соли и перцу маловато, а так ничего. Так! Я не понял! – возмутился Илька, ты чего сидишь? – Коста мгновенно вскочил с кресла. Илька рассердился: – Тьфу ты! Я имел в виду, почему ты не ешь? Сядь и ешь! Или я тебе накладывал теперь мне тебя самому ещё и с ложки кормить?

– Как же я могу есть вместе с Вами, господин?!

– А где же тебе есть? И когда, если ты всегда вместе со мной?

– На кухне мне чего-нибудь дадут. Ночью, когда Вы ляжете почивать.

– А я хочу, чтобы ты ел сейчас вместе со мной и то же, что и я. Бери ложку. Вот так, хорошо. Ешь, ешь, не обращай на меня внимание. Да не торопись ты так! Подавишься.

Некоторое время мальчишки молчали и с увлечением жевали. Потом Илька положил Косте на тарелку изрядный кусок жареного гуся, варёный овощ, в котором опознал репу, сунул в руку кусок хлеба. Не забыл и про себя.

– Давай, Коста, выпьем, – он поднял кубок с вином, – за счастливое освобождение из темницы. – Илька отхлебнул, сморщился: – Ну и гадость, лучше бы воды принесли.

– Я принесу, – подскочил Коста.

– Сиди. Обойдёмся пока. Пить и это можно, главное не переусердствовать, а то с непривычки... Скажи, Коста, у тебя родня есть?

– Не знаю, господин, меня забрали из деревни, когда я совсем маленький был. Я плохо помню. С тех пор я всё время в замке. – Обильная еда и вино сделали Косту более разговорчивым. – Сначала на кухне помогал посуду мыть, столы, уборку делать. Потом на конюшне за лошадьми смотрел. Потом уже хозяйке в библиотеке понадобился по лестнице под потолок лазить, книги доставать. Это было лучше всего. А когда она умерла, я уже большой был, там уже, куда только не посылали, чего только не приходилось делать. – Коста, вдруг опомнился: – Ой, простите, господин, мою болтливость.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.